

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1987

5

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1987

5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, чл.-кор. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, чл.-кор. АН УзССР А. А. АСКАРОВ, чл.-кор. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, чл.-кор. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, чл.-кор. АН УзССР А. Х. ХИКМАТОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор филос. наук Т. С. САИДБАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. П. Науменко*

Сдано в набор 2.06.87. Подписано к печати 18.06.87. Р17687. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,95. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 1039. Заказ 117. Цена 65 к.

Адрес Издательства: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1987 г.

К 60-летию „Худжума“

Р. Х. АМИНОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЕХА В РЕШЕНИИ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В УЗБЕКИСТАНЕ

Решение женского вопроса занимает одно из первых мест среди величайших достижений советского социалистического строя. Советская власть освободила скованные веками огромные творческие силы миллионов тружениц, приобщила их к великому делу строительства нового общества.

Марксизм-ленинизм рассматривает борьбу за раскрепощение женщин в неразрывной связи с общими задачами борьбы пролетариата за свое освобождение. Победа Великого Октября открыла реальные возможности для претворения в жизнь идеи о полном фактическом раскрепощении женщины. В. И. Ленин придавал огромное значение делу женского равноправия. «...Самая постройка социалистического общества, — по твердому убеждению вождя, — начнется только тогда, когда мы, добившись... равенства женщины, примемся за новую работу вместе с женщиной»¹. В своих многочисленных устных выступлениях, статьях В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что начатое Советской властью «всемирно великое и действительно освободительное дело» раскрепощения женщин является «неслыханно трудным и тяжелым»², требующим «коренной переделки и общественной техники и нравов»³, и «этой работы хватит нам на многие, многие годы»⁴.

В. И. Ленину, Коммунистической партии пришлось решать огромную по своей значимости и невиданную по сложности задачу обеспечения подлинного равноправия женщин — от обучения их азбуке до подготовки ученых, от вовлечения в армию рабочих и крестьян до выдвижения членами правительства; поднять их от положения неравноправных членов семьи и общества до активных, сознательных строителей новой жизни.

Особую значимость имели вопросы эмансипации женщин национальных республик, бывших в прошлом отсталыми колониальными окраинами царской России. Раскрепощение женщин Советского Востока явилось по существу огромной социальной революцией, в процессе которой слились воедино ломка старых производственных отношений, борьба за становление новых, социалистических отношений с широким привлечением женских масс и решительное наступление на догмы ислама, патриархальные семейно-бытовые устои, попиравшие честь и достоинство женщины, борьба за подлинно революционный переворот в ее сознании, духовном мире.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 202.

² Там же. Т. 42. С. 369.

³ Там же. Т. 40. С. 193.

⁴ Там же. Т. 39. С. 202.

Вопрос о раскрепощении женщин отсталых колониальных окраин был неотделим от ленинской теории некапиталистического развития. Широко известны ленинские указания коммунистам Советского Востока о необходимости осуществлять там более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму⁵. Известно, что особенности конкретно-исторических условий Туркестана не позволяли осуществить немедленно после революции многие из тех преобразований, которые были проведены в центральных районах страны. В ряде случаев приходилось прибегать к более осторожным, более гибким, постепенным методам, которые приводили к намеченной цели с помощью ряда переходных ступеней, либо вообще отсутствовавших, либо гораздо слабее выраженных в более развитых районах страны.

В целях раскрепощения женщин в специфических условиях республик Советского Востока, где с особой силой проявилась сложность задач социалистического строительства, необходимо было не только уничтожить старую, эксплуататорскую государственную машину, но и осуществить со стороны нового, социалистического аппарата целую систему экономических, социальных и культурно-воспитательных мероприятий. При этом партия рассматривала данный вопрос как составную часть национальной политики, в тесной связи с решительной ломкой старых общественных отношений, неуклонным хозяйственным и культурным подъемом национальных районов страны.

Помощь победившего пролетариата передовой страны, как известно,— важнейшее условие успешного перехода ранее отсталых стран к социализму. Разносторонняя экономическая, политическая, культурная идеологическая и организационная поддержка щедро и бескорыстно оказывалась Советской Россией национальным окраинам и в области решения женского вопроса — это и дополнительное финансирование проводимых в этих целях мероприятий, и посылка из Центра кадров организаторов женского раскрепощения, и проведение специальных женских съездов, конференций, и создание женских клубов и др.

Раскрепощение женщин Советского Востока от векового рабства стало, таким образом, составной частью той огромной и сложной работы, которая проводилась Коммунистической партией и Советским государством по ликвидации фактического неравенства народов бывших колоний царской России и обеспечению перехода их к социализму некапиталистическим путем.

Исторической вехой в борьбе за решение женского вопроса в Узбекистане и других среднеазиатских республиках Союза стал «Худжум» (наступление) — широкое движение за равноправие женщин, за новый быт, начатое по инициативе Средазбюро ЦК ВКП(б) в конце 1926 — начале 1927 г. В обращении Средазбюро, Центральные Комитеты Компартий Узбекистана, Туркмении, Киргизского обкома партии ко всем коммунистам подчеркивалось, что борьба с затворничеством, за подлинное равноправие женщин — одна из основных задач партии⁶.

«Худжум» означал переход от преимущественно разъяснительных методов работы по осуществлению женского равноправия к требованию обязательного выполнения всех законов и директив Советского государства по раскрепощению женщин-узбечек, к развернутой борьбе партийных, советских органов и общественных организаций с затворничеством, феодально-байским отношением к женщине.

⁵ См.: там же. Т. 32. С. 296; Т. 38. С. 94—97; Т. 39. С. 334—335, и др.

⁶ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 3, д. 1520. л. 94—105.

Надо сказать, что уже в первое послеоктябрьское десятилетие была проделана большая работа по фактическому раскрепощению женщин Узбекистана, подготовившая почву для перехода к качественно новому этапу.

Переход к «Худжуму» начался в условиях успешно проведенного национально-государственного размежевания республик Средней Азии. Создание суверенной Узбекской ССР открыло большие возможности для дальнейшего развития работы по раскрепощению женщин-узбечек.

Первый съезд Компартии Узбекистана (6—12 февраля 1925 г.) в резолюции «О работе среди женщин» подчеркнул: «С образованием самостоятельной республики... задача раскрепощения женщины в Узбекистане переплетается с основными моментами политического, культурного и экономического строительства, приобретает в партийной работе особо важное значение»⁷.

Вопросы осуществления женского равноправия включались в повестку дня всех партийных форумов Узбекистана. Большую роль в решении этой сложнейшей задачи сыграла помощь центральных партийных и советских органов.

15 февраля 1925 г. ЦИК СССР опубликовал обращение «О правах трудящихся женщин Советского Востока и необходимости борьбы со всеми видами их закрепощения в области экономической, семейно-бытовой»⁸. В нем содержался призыв ко всем трудящимся «неуклонно следить за проведением в жизнь законов, ограждающих права женщин, бороться со всеми видами закрепощения и принимать все меры к привлечению труженицы Востока к участию в общественной и политической жизни на всех ступенях общественной работы». Это обращение обсуждалось на многочисленных митингах, собраниях, в беседах, проводимых работниками местных советских органов, женотделов, комсомольцами республики.

Огромная организационная, политическая, воспитательная работа партии и Советского государства среди широких масс населения, сочетавшаяся с мерами принуждения в отношении нарушителей советских законов о равноправии женщин, способствовала росту самосознания женщин, их тяги к новой жизни.

Учитывая своеобразие местных условий, в целях осуществления экономического равноправия женщин в республике принимались и специальные меры по приобщению их к общественному труду. Наиболее удобной и приемлемой формой на первых порах стало создание в системе кустарно-производственной кооперации женских артелей. Они позволяли женщине-узбечке быстрее приобщиться к общественно-трудовой деятельности. К 1927 г. в республике имелось 30 артелей, охватывавших 648 членов. По мере возникновения крупных промышленных предприятий женский труд получал все более широкое применение в индустриальной сфере производства.

Важной вехой в экономическом раскрепощении дехкан, в том числе женских масс трудового населения кишлака, стало проведение земельно-водной реформы и землеустроительных работ 1925—1929 гг., в ходе которых были ликвидированы крупные байские хозяйства, а их земли переданы в пользование безземельному и малоземельному трудовому дехканству, в том числе женщинам-беднякам. Земельно-водная реформа подорвала социально-экономические устои угнетения сельских тружениц, разрушила обычай брачного права на воду.

⁷ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и постановлениях съездов. Изд. 2-е. Ташкент, 1968. С. 50.

⁸ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 15 февр.

Женщины постепенно вовлекались в деятельность союза «Кошчи», сельской кооперации, местных Советов и др.

Особое значение в борьбе за фактическое равенство женщин имело утверждение на всей территории республики советского законодательства, советских судов, которые ранее длительное время существовали наряду с судами казиев и биев.

Основная масса заявлений женщин по семейно-бытовым вопросам стала поступать в советские суды, причем часть их направлялась через женсоветы. Замена старых судов новым, советским судом, основанным на демократических принципах социалистического судопроизводства, сыграла большую роль в борьбе с феодально-байским отношением к женщине.

Важной частью общего процесса фактического раскрепощения женщин Узбекистана стала культурно-просветительная работа. Она началась с ликвидации неграмотности женщин через сеть специальных курсов, школ, пунктов ликбеза, борьбы за вовлечение девушек местной национальности в школы и другие учебные заведения, развертывания среди женщин многогранной работы культурно-просветительных учреждений, в том числе женских клубов, кружков и т. д.

Женщины-труженицы все активнее вовлекались в общественно-политическую жизнь. К концу 1926 г. около 120 тыс. женщин Узбекистана участвовали в выборах Советов. Многие из них смело выступали на собраниях и митингах, отводили кандидатуры баев, стремившихся пробраться в органы Советской власти, вносили свои предложения об улучшении деятельности Советов. В кооперации республики за один год женский актив вырос с 500 до 3,5 тыс. человек. Наиболее передовые, сознательные женщины-узбечки вступали в партию и комсомол. В 1926 г. в рядах Компартии Узбекистана насчитывалось 812 узбечек; женщины составляли 6,5% членов партийной организации республики⁹.

Систематическая пропаганда советских законов о женском равенстве, привлечение к уголовной ответственности злостных нарушителей этих законов, участие женщин в работе делегатских собраний, Советов, развитие сети культурно-просветительных учреждений способствовали пробуждению тружениц Востока.

«Худжум» состоял из двух периодов. Первый из них — подготовительный — с сентября 1926 г. по февраль 1927 г., второй — с марта 1927 г. по 1932 г. Подготовительный период характеризовался созданием исходных позиций для решительного развертывания «Худжума». Его содержание составила планомерная, кропотливая работа, руководимая партией при активном участии Советов, комсомольских, профсоюзных организаций, союза «Кошчи», кооперации. Успех этой работы во многом был обеспечен и деятельностью созданной при Средазбюро ЦК ВКП(б) Центральной комиссии по раскрепощению женщин и соответствующей комиссии при ЦК Компартии Узбекистана.

Второй период характеризуется широким развертыванием «Худжума» и закреплением его результатов. Его содержанием стала планомерная, кропотливая работа партии, Советов, общественных организаций в женских массах города и особенно села.

Общие директивы и конкретные указания о путях проведения «Худжума» как массовой общественно-политической кампании были изложены в специальных циркулярах Средазбюро ЦК ВКП(б). В них отмечалась необходимость решительной борьбы со старым бытом, по-

---

⁹ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 2, д. 533, л. 3; Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах: Сб. стат. мат. 1924—1964 гг. Ташкент, 1964. С. 22.

следовательного проведения в жизнь законов Советского государства о раскрепощении женщин, всемерного привлечения к участию в «Худжуме» комсомольского и профсоюзного актива, использования эффективных методов работы с учетом специфики конкретной обстановки на местах.

«Худжум» начался в нелегких условиях. Крайне низким был еще культурный уровень женщин Узбекистана. Грамотность составляла 3,6% в городах и менее 1% — в кишлаках. Мало было еще коммунистов из местных национальностей, хотя их ряды неуклонно росли. Не хватало кадров для работы среди женщин, материальных средств и т. д. Эти и другие обстоятельства, неравномерность социально-экономического развития отдельных районов не позволяли осуществлять решительное наступление на старый быт одновременно по всей территории республики.

Наиболее подготовленными к проведению «Худжума» вначале были Ферганская, Ташкентская и Самаркандская области. Там уже сформировался довольно значительный отряд партийных и советских работников из местного населения, более сильными были позиции кооперации, союза «Кошчи» и других общественных организаций. В них уже прошла земельно-водная реформа. Благоприятно сказывалось и наличие крупных городских центров (Ташкент, Самарканд и др.). Постепенно наступление на старый быт развертывается и на остальной территории республики.

Для непосредственного руководства проведением «Худжума» были образованы специальные Республиканская и окружные (областные) комиссии. В каждой из них создавался ряд подкомиссий (экономическая, культурная, атеистическая), призванных проводить различные мероприятия среди женщин, вовлекать их в учебу, производство, общественную жизнь¹⁰. Осуществлению «Худжума» предшествовали конференции окружного и районного масштабов, проходившие в обстановке возросшей активности женщин.

Проведение «Худжума» стало актуальнейшим вопросом работы партийных, советских, общественных, хозяйственных организаций. Идеи женского равноправия распространялись в печати и устно, через школы, красные уголки, клубы, комиссии при сельсоветах, кооперативных органах и т. д. Повсеместно проходили женские собрания, митинги, беседы и другие массовые мероприятия, тесно сочетавшиеся с методами индивидуальной работы среди женщин.

Лозунг «Долой паранджу!» — вековой символ рабства женщины — пропагандировался по всем этим каналам непосредственной связи с женскими массами.

В ходе «Худжума» трудящиеся неоднократно выступали на собраниях с предложением издать декрет о снятии паранджи. Однако партия, считая декретирование в таком вопросе не только неуместным, но и вредным, ставила во главу угла политико-воспитательную работу, подкрепляя ее мероприятиями по экономическому раскрепощению женщин. Партия видела главную задачу в том, чтобы побудить женщину-узбечку добровольно и сознательно сбросить паранджу.

В первых рядах борцов за женское равноправие шли коммунисты и комсомольцы, активисты Советов, союза «Кошчи», кооперации, других общественных организаций. Самую широкую поддержку встретил «Худжум» в рядах рабочего класса. Например, на собрании комячейки

---

¹⁰ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 2, д. 1374, л. 9—10.

Андижанского маслозавода № 5 по вопросу о проведении Дня 8 Марта большинство рабочих-узбеков высказались за открытие своих жен¹¹.

Рабочие-коммунисты Кокандского маслозавода № 2 заявили о решительной поддержке всех мероприятий по осуществлению «Худжума»¹². Об этом говорится и во многих других документах тех лет. За раскрепощение женщин выступали также сельский пролетариат, киш-лачная беднота, сознательные середняки.

В наступлении на старый быт активно участвовала трудовая интеллигенция, особенно учительство. Одними из первых сбрасывали паранджу учительницы местных национальностей, жены учителей, студентки различных учебных заведений. Учителя выступали с докладами и беседами по женскому вопросу, работали в школах ликбеза для открывшихся женщин и т. д.

Яркими противниками раскрепощения женщин выступили представители эксплуататорских классов — нэпманы, баи, реакционное духовенство, буржуазные националисты. Враги женского равноправия всячески пытались сорвать «Худжум», применяя все средства — от распространения ложных слухов до зверских убийств активисток. Однако Советское государство, опираясь на растущую поддержку широких масс, в том числе трудящихся женщин, решительно подавляло сопротивление врагов новой жизни, сурово карая нарушителей советских законов о равноправии женщин.

Наиболее широкий размах кампания «Худжум» обрела в связи с празднованием Дня 8 Марта 1927 г. Празднику предшествовала большая подготовительная работа. Программа проведения в республике Международного женского дня была детально разработана ЦК КП(б)Уз. По всем округам были созданы специальные комиссии, прошли окружные совещания и районные активы, на которых намечались конкретные мероприятия по наступлению на старый быт.

8 марта 1927 г. на площади многих городов республики вышли тысячи женщин, твердо решивших окончательно порвать с пережитками старого быта. Они сжигали на кострах паранджи, чачваны и открывали лица навстречу новой, счастливой жизни. В Самарканде, Коканде, Андижане День 8 Марта был объявлен нерабочим, прошли многолюдные митинги, на которых женщины сбрасывали паранджу. Были организованы торжественные вечера, концерты, заседания семейных кружков. В торжественной обстановке было открыто несколько больниц, школ, детских дошкольных учреждений, кооперативов.

Широко развернулась кампания «Худжум» в сельской местности. Только в Маргиланском районе число открывшихся женщин достигло 292, значительный размах получило сбрасывание паранджи в Папском районе. Наиболее активно сбрасывали паранджу жены коммунистов. Так, Самаркандский окружком партии сообщал, что в некоторых районах открылись все жены членов партии, в других — на 75—85%¹³. Ферганский окружком партии докладывал, что осталось лишь незначительное количество коммунистов, не открывших своих жен.

По сводкам окружкомов, 8 Марта 1927 г. сбросили паранджу: в Ташкентском округе — 3 000 женщин, в Ферганском — 3 000, Самаркандском — 700, Андижанском — 280, Ходжентском — 150, а всего 7130 женщин.

Процесс этот шел отнюдь не гладко. Только в Намангане в канун 8 Марта было совершено два убийства женщин. В сел. Назармахрам

¹¹ Там же, ф. 60, оп. 1, д. 3756, л. 1—2.

¹² Там же, оп. 3, д. 1533, л. 56—60.

¹³ Там же, д. 1595, л. 27—29.

Шариханского района Андижанской области были убиты уполномоченная райкома партии по работе среди женщин Ходича Гаипова и ее муж¹⁴.

Однако ничто уже не могло остановить растущего движения женских масс к новой жизни.

Новый этап открытия женщин начался в 1928 г., особенно в период празднования Международного женского дня. Большую работу среди женщин вели райсоюзы сельхозкооперации, «Рабземлес», «Кошчи». Только в Кокандском округе сбросили паранджу 450 женщин. Таких примеров можно привести еще немало.

Главным результатом «Худжума» было то, что женщины среднеазиатских республик из пассивной массы превратились в активных борцов за свое раскрепощение. Усилилось вовлечение их в общественное производство, росло количество женщин на новых промышленных предприятиях и в колхозах, увеличивалось число их в учебных заведениях и общественных организациях. Из года в год рос вклад женщин Узбекистана, как и всей страны, в борьбу за победу социализма.

Исторический опыт раскрепощения женщин Советского Востока, в том числе проведения «Худжума», имеет огромное международное значение. Он привлекает ныне особенно пристальное внимание освободившихся стран, прежде всего тех, народы которых избрали путь социалистической ориентации. Их прогрессивная общественность понимает, что без реальной эмансипации женских масс невозможно успешное продвижение по пути социального прогресса. Отсюда ее растущий интерес к богатейшей истории фактического раскрепощения женщин Советского Узбекистана и других восточных регионов СССР, в процессе которого важной исторической вехой стал «Худжум».

¹⁴ Там же, оп. 2, д. 1379, л. 187.

В. Г. ЧЕБОТАРЕВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Развернувшаяся в нашей стране грандиозная по масштабам и революционная по характеру перестройка общественно-политической и социально-экономической жизни требует глубокого анализа комплекса вопросов, связанных с творческим потенциалом советских женщин, их вкладом в развитие позитивных процессов, набирающих силу в ходе реализации решений XXVII съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС.

В Узбекистане женщины составляют 50,7% населения. Они играют ведущую роль во многих отраслях народного хозяйства. На их долю приходится 43% общей численности рабочих и служащих, 73% работников, занятых в здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении, около 60% — в народном образовании, почти 51% — в торговле и общественном питании¹.

В 70—80-х годах возросла роль женщин в промышленном производстве. Этому во многом способствовала политика индустриализации районов, ранее имевших аграрную специализацию. Если в целом по республике рост объема промышленного производства за 1971—1983 гг. составил 221%, то в Джизакской области — 417, Кашкадарьинской — 375, Навоийской — 389, Наманганской — 261, Сырдарьинской — 322%.

¹ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1985 г. Ташкент, 1986. С. 226.

Проведена большая работа по развитию производительных сил малых городов, городских поселков и сельских районных центров. В X—XI пятилетках там сдано в эксплуатацию более 400 предприятий, филиалов и цехов, что позволило дополнительно вовлечь в сферу производства около 60 тыс. человек, в том числе тысячи женщин².

Все это обусловило резкое повышение трудовой активности женщин, особенно в ККАССР, Хорезмской, Ферганской, Ташкентской областях.

Однако проблема рациональной территориальной организации производства до конца еще не разрешена. Это тормозит и вовлечение женщин в промышленные отрасли. Более чем 50 перспективных малых городов, городских поселков и центров сельских районов располагают лишь предприятиями по хлопкоочистке и ремонту сельхозтехники, где женский труд не применим. В новых индустриальных центрах, где развиваются отрасли тяжелой промышленности, не уделяется должного внимания сферам приложения женского труда³.

Вовлечение женщин в промышленное производство сдерживается и тем, что в республике медленно осуществляется переход на двух- и трехсменный режим работы, являющийся крупным резервом повышения занятости быстрорастущих трудовых ресурсов. Коэффициент сменности на предприятиях Минстройматериалов составляет 1,35, в местной промышленности — 1,3. В Ферганской области, отличающейся высоким удельным весом трудоизбыточных ресурсов, — 140 предприятий, однако более половины из них имеют низкий коэффициент сменности, в том числе такие крупные производственные объекты, как Ферганская мебельная фабрика, Кувасайский фарфоровый завод, шелкоткацкая фабрика в Коканде, ряд предприятий пищевых отраслей⁴.

Эти проблемы обстоятельно обсуждались на 5-й сессии Верховного Совета УзССР 11-го созыва (май 1987 г.)⁵. Говорилось на сессии и о том, что одна из важных социальных задач — создание благоприятных условий работы для женщин, занятых в промышленном производстве. И действительно, до недавнего времени практически не уделялось внимания, например, климатическим особенностям республики, не учитывалось их влияние на трудовую активность работников, в том числе женщин. Между тем исследования показали, что летом в Узбекистане возрастают дискомфортность условий труда — жара и низкая влажность воздуха резко снижают работоспособность. Так, при температуре воздуха +34° по Цельсию у работниц Ташкентского текстильного комбината производительность труда падает на 20—25%⁶.

Настоятельно необходима разработка систем, которые создавали бы благоприятный температурный и влажностный режим не только в цехах заводов и фабрик, но и на полевых станах. В условиях бурного научно-технического прогресса такие разработки вполне возможны, и уже имеются отдельные проекты⁷.

Ввод в эксплуатацию десятков новых предприятий, особенно в районах аграрной специализации, а также рост трудовых ресурсов в сельской местности способствуют вовлечению в промышленное произ-

---

² Сааков В. Важные звенья территориального планирования//Экономика и жизнь. 1985. № 6. С. 11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Узбекистан: второй год пятилетки//Экономика и жизнь. 1987. № 1. С. 3.

⁵ См.: Правда Востока. 1987. 23—26 мая.

⁶ Курбанов А., Асриев С., Исмаатов Н. В пустыне, как в оазисе//Экономика и жизнь. 1986. № 9. С. 35.

⁷ См. там же. С. 35—36.

водство сельского населения. Ставшие рабочими сельчане совершают ежедневные трудовые поездки из села в город (маятниковая миграция). В X пятилетке маятниковая миграция в Узбекистане возросла по сравнению с IX пятилеткой в 6,2 раза и была втрое выше среднесоюзного показателя. Этот вид миграции особенно развит в зоне таких крупных городов, как Самарканд, Коканд, Андижан, Наманган, вокруг которых не сформировались города-спутники. По данным О. Б. Ата-Мирзаева, в середине 70-х годов в Самарканде на 10 предприятиях около 26% промышленно-производственного персонала оказались маятниковыми мигрантами. На крупных предприятиях Ферганы, Намангана, Андижана, Маргилана, Карши также высок процент лиц, совершающих ежедневные поездки на работу из села в город. По национальному составу маятниковые мигранты — преимущественно узбеки (78,5%). Женщины-узбечки составляют 80% всех мигранток (удельный вес узбеков в составе маятниковых мигрантов-мужчин — 74,3%). В структуре маятниковых мигранток преобладают женщины в возрасте 18—25 лет. Удельный вес женщин этого возраста среди коренных национальностей исключительно велик — 72,5%. Мужчины-узбеки этого же возраста принимают слабое участие в маятниковой миграции: их доля среди мигрантов-мужчин местных национальностей — 32,2%. Большинство мигранток, состоящих в браке, имеют детей (до 87%), причем среди женщин местных национальностей велик удельный вес многодетных матерей — свыше 38%; более 25% — имеют 5—10 детей⁸.

Широкое вовлечение сельчанок — женщин коренных национальностей в промышленное производство, тот факт, что многие из них имеют 2—3 и более детей, обязывают нас проанализировать, хотя бы в общих чертах, социально-бытовые условия, в которые поставлена женщина-работница. Участие в маятниковой миграции означает, что она ежедневно совершает поездки в среднем в пределах 15—20 км. Если учесть неудовлетворительно налаженную работу транспорта, то станет ясно, что трудовая активность женщин снижается еще до прихода на работу из-за «транспортной усталости».

Данные экономистов показывают, что на селе проблема пассажирского автотранспорта стоит особенно остро. Например, в Гиждуванском районе Бухарской области, Среднечирчикском районе Ташкентской области расстояние до автобусной остановки достигает 1,2—1,6 км, и на подход к ней затрачивается до 25 мин. В Зааминском и Дуслыкском районах Джизакской области это расстояние составляет 2—7 км, в Камашинском районе Кашкадарьинской области — 4—8 км. К этому следует прибавить неритмичность транспортного движения. В среднем сельский житель совершает 100 поездок по маршрутам, где работают 1—2 автобуса. Есть районы, в которых обслуживание транспортом поставлено еще хуже. В Дуслыкском районе, например, только 42% населенных пунктов связаны автобусным движением, причем на 1 автобус в среднем приходится 9,1 тыс. жителей (норма — не более 1 тыс.)⁹.

Помимо «транспортной усталости», на работоспособность женщин — маятниковых мигранток неблагоприятно воздействуют и бытовые условия. Исследования Л. Панченко показали, что на Андижанском, Бухарском, Ферганском текстильных комбинатах и в их сель-

⁸ Ата-Мирзаев О. Б. Региональное прогнозирование расселения и управление процессами урбанизации. Ташкент, 1979. С. 54—56.

⁹ Гулямов С. В долгу перед тружениками села // Экономика и жизнь. 1985. № 6. С. 43.

ских филиалах 60% контингента составляют работницы, проживающие в сельской местности. Затраты их труда на обслуживание семьи и работу на приусадебном участке превышают 45 час, в неделю — фактически это еще одна смена. Сюда следует добавить до 14 час. в неделю на проезд к месту работы и обратно. Времени на отдых, чтение, воспитание детей практически не остается¹⁰. Отдаленность жилья от места работы, большая физическая нагрузка дома, недостаток времени для восстановления физических сил — все это приводит к тому, что работоспособность текстильщицы за время, проведенное дома, полностью не восстанавливается. О каких трудовых рекордах можно в таком случае говорить?

Высокий уровень маятниковой миграции выдвигает задачу более внимательного подхода к территориальному размещению филиалов предприятий, развитию транспортной инфраструктуры, организации системы бытового обслуживания. Например, в каждом пятом колхозе еще отсутствуют комплексные приемные пункты службы быта. Необходимо развернуть также сеть детских садов и яслей непосредственно в сельской местности. Многие работницы возят детей в детсады своих предприятий, что увеличивает число заболеваний у малышей, особенно в холодное время года, растет количество больничных листов по уходу за ребенком.

На крупные недостатки в сфере коммунально-бытового обслуживания населения УзССР, особенно сельского, указывалось на 5-й сессии Верховного Совета УзССР 11-го созыва, где, в частности, отмечалось, что сейчас Узбекистан находится на 13-м месте среди республик Союза по объему оказываемых услуг в расчете на одного жителя, а в Навоийской, Сурхандарьинской, Кашкадарьинской областях среднедушевой показатель платных услуг вдвое ниже, чем по республике¹¹. И сказывается это негативно прежде всего на женщинах.

Существенные успехи в приобщении женщин коренных национальностей к труду в промышленности не могут скрыть того факта, что проблема обеспечения полной занятости трудоспособных женщин продолжает сохранять свою остроту. В республике еще крайне слаба миграционная подвижность сельского населения: в 1985 г. выбыло из состава членов колхозов и перешло в другие отрасли народного хозяйства менее 1% среднегодовой численности работников колхозов. В их составе — незначительная доля женщин. Низкая территориально-отраслевая мобильность сельского населения объясняется рядом причин — недостаточный уровень общей и профессиональной подготовки, устойчивая тенденция к многодетности семей и др. Однако на селе немало женщин, которые хотели бы трудиться в цехах промышленных предприятий. Об этом говорилось, в частности, на пленумах областных комитетов партии, прошедших в апреле 1987 г. Так, на пленуме Самаркандского обкома КПУз отмечалось, что в степных совхозах, где ведущей отраслью является каракулеводство, многие женщины не работают. В Карнабе, например, их более 700. Дирекция госплемзавода не раз обращалась в облисполком с просьбами открыть в хозяйстве филиалы и цехи промышленных предприятий. В Советабадском районе насчитывается 6 тыс. нетрудоустроенных женщин. Между тем заводы и фабрики Самарканда пока не имеют развитой сети филиалов на селе¹². Эта важ-

¹⁰ Панченко Л. Женщина в текстильном производстве//Экономика и жизнь. 1985. № 5. С. 37.

¹¹ Правда Востока. 1987. 23 мая.

¹² Мирзаев Т., Раскин Я. Могут работать — должны работать//Экономика и жизнь. 1986. № 8. С. 54.

¹³ Правда Востока. 1987. 10 апр.

ная социальная проблема стала предметом критического обсуждения и на пленумах Каракалпакского, Бухарского, Навоийского, Наманганского и других обкомов партии.

Даже многолетние матери зачастую выражают желание принять участие в общественно полезном труде. Сама жизнь выдвинула такую удобную для домохозяек форму, как надомный труд. В республиках Прибалтики, например, партийные комитеты накопили ценный опыт развития различных форм надомничества. Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», вступивший в силу с 1 мая 1987 г., открывает широкие возможности для трудоустройства тысяч женщин, особенно коренных национальностей, что позволит им не только повысить бюджет семьи, а впоследствии получать пенсию, но и внести полезный вклад в развитие общественного производства.

Другой организационной формой занятости женщин является труд с режимом неполного рабочего времени. Например, в торговле использование работниц с неполным рабочим днем в часы пик, в период повышенного сезонного спроса населения на те или иные товары позволяет сократить очереди, повысить качество обслуживания. Труд при неполном рабочем дне отличается высокой эффективностью. Так, женщины-портнихи имеют при этом показатели среднегодовой выработки на 28,6% выше, чем у среднесписочного работника. Затраты времени на основную операцию у работниц, занятых неполный рабочий день в легкой промышленности, на 5—7% выше, чем у занятых в течение целого дня. На предприятиях местной и легкой промышленности с внедрением режима неполного рабочего дня коэффициент использования оборудования повышается на 10—15%, а текучесть кадров сокращается вследствие уменьшения числа увольнений¹⁴.

В целях широкого привлечения женщин, имеющих детей, к работе в промышленности Госкомтруд СССР и ВЦСПС по согласованию с Госпланом СССР утвердили «Положение о порядке и условиях применения труда женщин, имеющих детей и работающих неполное рабочее время». Этот документ предусматривает льготные условия для матерей (дополнительные перерывы для кормления ребенка и др.)¹⁵. Однако многие хозяйственники все еще неохотно идут на развитие надомничества, введение скользящего графика, работы с неполным рабочим днем и т. д.

Было бы, конечно, неправильно ставить задачу поголовного вовлечения многолетних матерей в общественное производство. Против вульгаризаторского подхода к проблеме женской занятости в Средней Азии выступает, например, ученый-экономист В. Г. Костаков (Москва). Полагают, пишет он, что если довести процент участия женщин коренных национальностей в общественном производстве до среднесоюзного уровня, то народное хозяйство получит дополнительно значительную массу работников. Однако, резонно замечает ученый, дело не в величине процента как таковой. В этих районах самая высокая в стране рождаемость, преобладают семьи, имеющие 4—5 и более детей. И то, что трудоспособные женщины целиком заняты обслуживанием большой семьи, следует считать нормальным явлением. Вовлечение их в общественное производство «не имеет экономического смысла»¹⁶. Чтобы

¹⁴ Циглинцева Т. Работа в удобное время//Экономика и жизнь. 1986. № 8. С. 46—47.

¹⁵ Там же. С. 47.

¹⁶ Костаков В. Г. Трудовые ресурсы: Основные тенденции в распределении// Проблемы экономики развитого социализма. М., 1983. С. 21.

создать этим женщинам возможность трудиться, надо прежде всего организовать новые дошкольные учреждения, в которых, как показывает практика, один работник обслуживает в среднем 4—5 детей. Необходимо и создание новых рабочих мест и т. д. Следовательно, потребуются затратить крупные дополнительные средства. Не надо забывать и о том, что для физического, психического и нравственного здоровья ребенка, особенно до 5—7-летнего возраста, ласка и любовь матери жизненно необходимы. Так что проблема эта требует вдумчивого, комплексного, научно обоснованного подхода.

Выше уже отмечалось, что вовлечение сельских трудовых ресурсов в промышленное производство сдерживается в большой степени из-за низкого уровня их образования, профессиональной подготовки. По данным переписи населения 1979 г., женщины Узбекистана — рабочие и колхозницы — по уровню образования отстают от среднесоюзного показателя и еще более — от ряда других республик Союза. По количеству женщин-рабочих, имеющих высшее и среднее специальное образование, УзССР находится на 7-м месте (после Латвии, Грузии, Украины, Эстонии, Киргизии и Белоруссии). Если на 1 тыс. занятых высшее и среднее специальное образование в Латвии имеют 108 человек, то в Узбекистане — 90 (городское население). Колхозницы нашей республики по уровню образования занимают 12-е место в Союзе. На 1 тыс. женщин, занятых в колхозном производстве, в Эстонии приходится 186 человек с высшим и средним специальным образованием, в Латвии — 151, а в Узбекистане — только 14 человек¹⁷.

На пленуме Ташкентского обкома партии (апрель 1987 г.), обсуждившем решения январского (1987) Пленума ЦК КПСС, отмечалось, что в Ташкентской области каждый третий из ведущих специалистов совхозов не имеет высшего образования, среди бригадиров и звеньевых две трети — практики с общим средним и начальным образованием¹⁸.

Анализируя причины такого отставания, было бы неправильно ссылаться только на специфику национальной жизни: широкое распространение более ранних, чем в целом по СССР, браков, многодетность семей, нежелание родителей отпускать девушку на учебу в город и другие бытовые традиции. Есть и иные социально-экономические причины: многодетность семей колхозников и рабочих вынуждает их детей старшего возраста ранее, чем детей служащих, вступать в трудовую жизнь; не отвечают современным требованиям материально-техническая база и территориальное размещение системы высшего и среднего специального образования. Недостаточно продуман профиль специализации многих учебных заведений. Очень плохо поставлена профориентация молодежи на селе. Кроме того, объем общественных фондов потребления на душу населения в Узбекистане ниже, чем в среднем по Союзу.

Известно, что чем выше уровень индустриального развития республики, тем выше доход на душу населения. Развитие экономики в 60—70-х годах на экстенсивной основе, снижение темпов роста производительности труда в промышленности, существенное отставание УзССР по уровню индустриализации от других союзных республик и т. д. — все это обусловило и недостаточно высокий уровень материального благосостояния по некоторым показателям.

---

¹⁷ Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 161, 167, 172.

¹⁸ Правда Востока. 1987. 8 апр.

Развитие экономики на экстенсивной основе привело к отставанию материальной базы народного образования, здравоохранения, культурно-бытового обслуживания населения, а также по обеспеченности общественными фондами потребления. Данные ЦСУ СССР и УзССР показывают, что расходы на одного учащегося в общеобразовательных школах в расчете на год составляют: по СССР — 240 руб., в Узбекистане — 203 руб., соответственно в средних специальных учебных заведениях — 780 и 606 руб., в вузах — 1200 и 996 руб. На содержание одного ребенка в детских садах в год расходуется: по СССР — 530 руб. (в яслях — 630 руб.), а в УзССР — 443 руб. Выплаты и льготы в расчете на душу населения по СССР составляют 530 руб., а в Узбекистане — 357 руб.¹⁹

В документах XXVII съезда КПСС подчеркивается, что общественным фондам потребления принадлежит важная роль в осуществлении принципа социальной справедливости, обеспечении равного доступа членов общества к образованию и культуре. Вместе с тем это и «средство поощрения, стимулирования квалифицированного, добросовестного труда. Партия намерена и впредь проводить линию на дальнейший рост и более эффективное использование общественных фондов.

В двенадцатой пятилетке их объем увеличится на 20—23 процента»²⁰. Обратимся теперь к данным, характеризующим роль ПТУ в подготовке рабочих кадров промышленности, в том числе девушек-узбечек. Необходимо подчеркнуть, что в 60—70-х годах в республике были достигнуты значительные успехи в подготовке рабочих кадров: за 1967—1987 гг. контингент учащихся в целом по СССР увеличился в 2,5 раза, а в Узбекистане — почти в 7 раз²¹. Из года в год растет число девушек в ПТУ. В XI пятилетке ПТУ закончили 800 тыс. молодых специалистов. Однако 54,2% всех учащихся обучалось в училищах сельскохозяйственного профиля, а доля выпускников для промышленности составила 19%, строительства — 13%²², причем среди них очень мало девушек.

Отрицательно влияет на формирование рабочего класса из молодежи коренной национальности и тот факт, что не все выпускники ПТУ индустриального профиля идут на работу на заводы и фабрики. На пленуме Навоийского обкома партии (апрель 1987 г.) констатировалось, что половина выпускников ПТУ не остается на производстве; индустриальный комплекс области формируется около тридцати лет, но обслуживают его в основном не местные кадры, а специалисты, приглашенные со стороны (при 11 тыс. нетрудоустроенных лиц коренных национальностей). Местные национальности составляют на промышленных предприятиях области 25—30%²³, а женщин среди них еще меньше.

Таким образом, подготовка и воспитание кадров ведутся без учета перспектив развития экономики. Это можно проиллюстрировать на материалах отдельных областей. Например, в Джизакской области успешно развиваются промышленность, строительство и транспорт, а три фаришских училища готовят механизаторов, шелководов, садово-

¹⁹ Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 412; Народное хозяйство УзССР в 1985 г. Ташкент, 1986. С. 236.

²⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 40.

²¹ Мирзаев Т., Раскин Я. Кому работать на селе//Экономика и жизнь. 1987. № 1. С. 60.

²² Кальметов Б. Кадровый цех производства//Экономика и жизнь. 1986. № 6. С. 12.

²³ Правда Востока. 1987. 9 апр.

дов, т. е. только специалистов для аграрной отрасли. При этом слабо учитывается вопрос приложения труда женщин.

Следует указать и на фактор большого социально-экономического и политического значения: подавляющая часть учащихся ПТУ коренных национальностей не сорентирована на индустриальные профессии. В 1984 г., например, в дневные профтехучилища было принято 139,6 тыс. юношей и девушек; 83,3% контингента составляли лица коренной национальности. Однако обучались они преимущественно в сельских ПТУ²⁴. То, что юноши и девушки коренных национальностей идут учиться в ПТУ сельскохозяйственного профиля, во многом обусловлено территориальной дислокацией училищ индустриальной специализации: в основном они расположены в крупных промышленных центрах, а в средних и малых городах, в сельской местности, хотя там и создаются филиалы промышленных предприятий, училищ индустриального профиля крайне недостаточно. В этом одна из причин слабых темпов формирования рабочего класса из молодежи коренных национальностей.

В целях повышения квалификации рабочих и колхозников республики Совет Министров СССР принял решение ежегодно направлять на стажировку в другие районы, на передовые предприятия и хозяйства 10 тыс. рабочих и колхозников коренных национальностей Узбекистана, причем особое внимание будет уделяться девушкам-узбечкам²⁵.

Важнейшим фактором, благоприятно влияющим на социальную активность женщин, является хорошо поставленная система народного здравоохранения, службы быта. Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана И. Б. Усманходжаев, выступая на V пленуме ЦК КПУз (март 1987 г.), с горечью констатировал, что в республике «сотни тысяч людей, особенно из сел, еще живут в условиях низкой культуры труда, быта, материальной и духовной скудости».

Повышение благосостояния трудящихся и создание условий для всестороннего развития личности сегодня — не только гуманистическая цель, но и средство ускоренного развития общества, объективно необходимое условие дальнейшего прогресса страны.

Узбекистан отстает от среднесоюзного уровня по степени обеспеченности населения медицинским персоналом. Если в среднем по СССР на 10 тыс. населения приходится 42 врача, то в УзССР — 33,5, а в РСФСР — 45, Эстонской ССР — 46,3, Латвийской — 48,3, Грузинской ССР — 54,2. В СССР на 10 тыс. населения приходится 113 человек среднего медицинского персонала, а в УзССР — 95,7, тогда как в РСФСР — 120, Литовской ССР — 121,7, Латвийской ССР — 126,2. Различия, как видим, существенные. Многие еще предстоит сделать и по обеспечению населения Узбекистана больничными койками: на 10 тыс. населения в УзССР приходится 120,3 больничной койки, а в среднем по стране — 129,6, в РСФСР — 134,6, Латвийской ССР — 140.

На Всесоюзной конференции женщин отмечалось, что смертность детей в возрасте до 1 года у нас выше, чем в развитых капиталистических странах. Еще хуже обстоит дело в Узбекистане. Нарушение социалистических норм хозяйствования, ленинских принципов в подборе и расстановке кадров, развал дисциплины, моральная деградация отдельных работников здравоохранения привели к тому, что в республике еще высока смертность детей, особенно в Сурхандарьинской,

---

²⁴ Там же. 1986. 1 апр.

²⁵ Там же. 29 марта.

Кашкадарьинской, Андижанской, Ферганской областях и ККАССР. Дефицит родильных домов, педиатрических коек, слабая техническая оснащенность, низкий уровень подготовки молодых врачей — об этом не раз с тревогой писала республиканская печать.

Не все благополучно и с охраной материнства, медицинским обеспечением здоровья женщин. Всесоюзная перепись населения 1979 г. выявила удручающую картину: при высокой рождаемости республики Средней Азии держат «первенство» и по количеству женщин, которые не имеют ни одного ребенка. На 1 тыс. женщин соответствующей национальности не родили ни одного ребенка: 239 русских, 223 украинки, 237 белорусок, 326 узбечек, 346 казашек, 333 киргизки, 321 таджичка, 350 туркменок²⁶.

Исследования показывают, что у белорусок, украинок, латышек, литовок, эстонок ориентация на многодетную семью — традиционна. Ожидаемое число детей у женщин РСФСР, вступивших в брак в 1930—1934 гг., составляло 3,72, в 1960—1964 гг. — 2,39, а у вступивших в брак в 1970—1974 гг. — 1,70. Соответствующие показатели для женщин Украины составляют 3,10; 2,13; 1,76²⁷. У женщин коренного населения Средней Азии установка на многодетную семью (5—6 детей) никогда не менялась, что связано с национальной психологией, культурой, особенностями исторических традиций. Высокий процент женщин, не имевших ни одного ребенка, объясняется неудовлетворительной организацией профилактики болезней, тяжелыми условиями труда в сельском хозяйстве (низкий уровень механизации труда, неудовлетворительные условия труда).

Наблюдения медиков показывают, что истоки сердечно-сосудистых заболеваний формируются еще в детском возрасте. Поэтому массовые профилактические мероприятия педиатрической службы — важное условие охраны здоровья населения. Исследованиями Н. Л. Мирзаева установлено: школьники коренной национальности Ташкента по основным показателям физического развития (вес и длина тела, степень полового созревания) несколько отстают от своих сверстников-москвичей; выявлены также факторы, содействующие развитию гипертонии у детей подросткового возраста²⁸. Это объясняется не столько климатическими, национальными и бытовыми особенностями, сколько социальными условиями, в частности низким уровнем спортивной подготовки в школе, чрезмерным вовлечением детей на селе в сельскохозяйственные работы, несбалансированным питанием. В недавнем прошлом были допущены перегибы в расширении хлопковых посевов, вследствие чего резко сократились площади под садово-огородными культурами. В результате ныне Средняя Азия, в том числе Узбекистан, относятся к одному из наименее обеспеченных собственным продовольствием регионов.

На одного сельского жителя здесь производится: продукции растениеводства — в 2 раза меньше, мяса — в 2,2, молока и яиц — в 2,4, зерна — в 6,5, овощей — в 1,3 раза меньше, чем в среднем по Союзу²⁹.

²⁶ Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., М., 1984. С. 358.

²⁷ Кваша А. Я. Население СССР: Проблемы управления//Проблемы экономики развитого социализма. М., 1983. С. 145.

²⁸ Мирзаев Н. Л. Клинико-эпидемиологическое изучение патогенетических факторов при первичной артериальной гипертонии у подростков в период становления: Автореф. дис. ... доктора мед. наук. Ташкент, 1985. С. 36.

²⁹ Чамкин А. Сколько механизаторов нужно селу//Экономика и жизнь. 1986. № 5. С. 17.

Потребление мяса и рыбы в УзССР составляет менее половины нормы, молока, яиц — две трети нормы и т. д.

В документах XXVII съезда КПСС отмечается, что в 60—70-х годах со стороны центральных и местных органов допускалась недооценка назревших проблем материальной базы социальной сферы — практиковался остаточный принцип выделения ресурсов для ее развития. Перекос в сторону технократических подходов ослабил внимание к социальным проблемам, что привело к отрицательным явлениям. Съезд выдвинул задачу проведения глубоко продуманной социальной политики и определил основные ее направления: подъем народного благосостояния на качественно новую ступень, удовлетворение потребностей населения в высококачественной лечебно-профилактической и лекарственной помощи, развитие спорта и т. д.

Съезд подчеркнул первоочередное значение создания необходимых условий для плодотворного труда женщины-матери. Вклад женщин Узбекистана в общественное производство неизмеримо возрастет, когда в республике будут созданы примерно равные условия комфортности для сельчанок и горожанок. Это задача не только гуманистического, но и большого социально-экономического значения.

Со времени принятия решений XXVII съезда КПСС прошло более года. Однако материалы V пленума ЦК КПУз и пленумов обкомов партии свидетельствуют о том, что перестройка идет еще медленно. Невнимание многих ответственных работников к социальной сфере ведет к серьезному отставанию республики от общесоюзного уровня в области жилищного строительства, медицинского, торгового, коммунального обслуживания, обеспечения школами и дошкольными учреждениями³⁰. На V пленуме ЦК КПУз отмечалось, что в республике слабо распространяются передовой опыт многих партийных организаций страны. инициатива ленинградцев и челябинцев о выделении на развитие социальной сферы средств, сэкономленных за счет реконструкции, почин автозаводцев Тольятти и Горьковского автозавода о добровольном труде на объектах соцкультбыта, ускоренном строительстве жилья, детских дошкольных учреждений и т. д. Все это отрицательно отражается и на социальной активности женщин.

Пленум принял решение, в соответствии с которым в Узбекистане будут разрабатываться в масштабах города, района, области целевые комплексные программы по развитию объектов здравоохранения, школ, дошкольных учреждений, объектов культуры, спорта, торговли, общественного питания. Важные решения приняты и 5-й сессией Верховного Совета УзССР 11-го созыва. Реализация всех этих мероприятий будет содействовать также повышению социальной активности женщин, их вклада в перестройку и ускорение социально-экономического развития страны.

---

³⁰ Правда Востока. 1987. 29 марта.

Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА

ПЕРЕСТРОЙКА И ВОПРОСЫ УЛУЧШЕНИЯ УСЛОВИЙ ТРУДА И БЫТА ЖЕНЩИН

Успехи социально-экономического развития Советского Узбекистана дают миру наглядный пример того, как социализм радикально меняет положение женщин в обществе, создает все необходимые усло-

вия для их подлинного равенства, активного участия во всех сферах социально-экономической, политической и культурной жизни.

Знаменательно, что 60-летие движения «Худжум» мы отмечаем в год 70-летия Великого Октября, положившего начало освобождению женщин Советского Востока от политического, экономического и социального угнетения, достижению фактического их равноправия с мужчинами, обеспечению возможности трудиться, получить образование, участвовать в общественной жизни.

В этой связи нельзя не вспомнить о том, что пока жизнь женщины была традиционно ограничена пресловутой немецкой триадой (Kinder, Küche, Kirche), порабощение ее в семье могло в лучшем случае вызывать сочувствие к ней гуманистов. Но стоило женщине переступить порог капиталистического предприятия, как стали возникать новые социальные проблемы, порождаемые эксплуатацией женского труда. И чем больше возрастала женская армия труда, тем острее становились женские проблемы, тем настоятельнее выступал многосторонний и трудный женский вопрос, до предела запутанный буржуазной социологией, сводившей его сущность то к биологической «трагедии женщины», то к «мужскому эгоизму» или прочим антинаучным вымыслам.

Так было до тех пор, пока научный коммунизм не внес полной ясности в женский вопрос, вскрыв его классовые корни и указав единственно верный, научно обоснованный путь его разрешения — ликвидацию эксплуататорского общества и утверждение социалистических производственных отношений.

Великая Октябрьская социалистическая революция, осуществленная под руководством партии большевиков во главе с В. И. Лениным, выдвинула решение женского вопроса в качестве составной части общей проблемы построения социализма.

«...Советская власть, — указывал В. И. Ленин, — стремится к тому, чтобы все трудящиеся, не только партийные, но и беспартийные, и не только мужчины, но и женщины, принимали участие в этом хозяйственном строительстве. Это начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин»¹.

XXVII съезд КПСС, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, разработал систему мер, способствующих дальнейшему повышению трудовой и общественно-политической активности женщин, укреплению советской семьи. В Политическом докладе ЦК съезду М. С. Горбачев подчеркнул, что «социализм освободил женщину от экономического и социального угнетения, создал ей равные с мужчиной возможности трудиться, получать образование, участвовать в общественной жизни»². Но жизнь ставит все новые сложные вопросы. На съезде особое внимание было уделено проблемам укрепления социалистической семьи, ибо негативные явления в данной сфере отрицательно сказываются на воспитании детей, на повседневной жизни мужчин и женщин, их трудовой и общественной активности. «Предпосылка решения многих проблем семьи, — говорил М. С. Горбачев, — создание таких условий труда и быта женщин, которые позволили бы успешно сочетать материнство с активным участием в трудовой и общественной деятельности»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 204.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 51.

³ Там же. С. 52.

В соответствии с решениями XXVII съезда КПСС, в двенадцатой пятилетке предусмотрено шире применять для женщин неполный рабочий день или сокращенную рабочую неделю, скользящий график, работу на дому, поэтапно, по экономическим районам страны увеличить продолжительность дородового отпуска, частично оплачиваемого отпуска женщине-матери по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, а также по уходу за больным ребенком, предоставить ей право на дополнительный неоплачиваемый отпуск сроком до 6 месяцев, выдавать малообеспеченным семьям пособия на детей в возрасте до 12 лет, резко расширить сеть детских дошкольных учреждений, улучшить их работу, поднять на качественно новый уровень всю сферу бытового обслуживания⁴.

Все эти меры особенно необходимы ныне, когда во всех областях жизни советского общества в свете решений XXVII съезда партии, апрельского (1985) и последующих Пленумов ЦК КПСС происходят перестройка и ускорение социально-экономического развития страны, требующие все более активного вовлечения женщин во все отрасли народного хозяйства, в общественно-политическую жизнь.

В этой связи надо сказать следующее. Победа социализма обеспечила решение женского вопроса в нашей стране в том виде, каким он достался нам от дореволюционного прошлого. Огромные успехи достигнуты в этом деле и в Советском Узбекистане:

а) как и по всей стране, здесь обеспечено юридическое, политическое равноправие женщины, уничтожены все формы ее угнетения и эксплуатации;

б) грамотность женщин в УзССР достигла 99,9%;

в) кардинально решен вопрос вовлечения женщин в социалистическое производство, и сегодня в Узбекистане занято общественно полезным трудом более 2 млн. женщин, или 43% всех занятых в народном хозяйстве республики; среди них узбечек — более 1 млн., или 52,8% работающих женщин. Во многих отраслях женщины составляют подавляющее большинство работников;

г) произошли прогрессивные сдвиги в социальной структуре занятого в общественном производстве женского населения: 73% составляют рабочие и служащие, а 27% — колхозницы;

д) претерпели существенные изменения и пропорции занятости женщин интеллектуальным и физическим трудом. Ныне 53% работающих женщин республики заняты преимущественно умственным трудом. В народном хозяйстве УзССР каждый второй специалист — женщина. Их численность достигла 686,8 тыс. человек, в том числе с высшим образованием — 304 тыс. Растет число женщин среди учащихся высших и средних специальных учебных заведений. Так, доля женщин среди студентов вузов составляет 45%, а среди учащихся средних специальных учебных заведений — 51%;

е) с каждым годом растут ряды научных работников из числа женщин. На сегодняшний день 13 840 женщин Узбекистана — научные работники, из них 133 доктора и 3973 кандидата наук; 82 женщины имеют звание академика, члена-корреспондента, профессора, а 1021 — звание доцента;

ж) неуклонно ширится участие женщин в государственной, общественно-политической жизни. Так, 27 женщин республики являются депутатами Верховного Совета СССР, где на долю женщин приходится 33% всех депутатов; 183 женщины — депутаты Верховного Совета

⁴ Там же. С. 52, 107, 312.

УзССР (35,9%), 1470 — депутаты областных Советов (47,7%), 7599 — депутаты районных Советов УзССР (48,6%). Лучшие труженицы города и села являются членами КПСС. Среди женщин немало партийных, советских, хозяйственных руководителей, работников профсоюзного, комсомольского аппарата и др. Нарастает активность возрожденных в последнее время женсоветов.

Но все это отнюдь не меняет того факта, что у нас еще имеется немало сложных, острых, нерешенных проблем и в области труда и быта женщин, и в сфере их участия в управлении производством, делами общества и государства. Требуются новые подходы, учет новых условий, преодоление застойных явлений, ломка отживших представлений. Ведь каждый новый шаг перестройки прямо или косвенно соприкасается с социальными интересами женщин, волнующими их проблемами. Проблем этих очень много, и охватить их в одной статье совершенно немыслимо. А потому мы остановимся здесь лишь на некоторых, наиболее важных сегодня для республики вопросах.

Первостепенное значение для Узбекистана имеет сейчас обеспечение рабочими местами быстрорастущего трудоспособного населения, в том числе женщин. Прирост населения УзССР ныне таков, что в недалеком будущем оно составит 27—28 млн. человек. Отсюда — немало острых вопросов, прямо касающихся и миллионов женщин.

Существует марксистско-ленинское положение о том, что рождение и воспитание женщиной 4 детей и более, обеспечивая процесс расширенного воспроизводства населения, есть общественно полезный труд. Следовательно, при решении проблемы вовлечения женщин в общественное производство необходим дифференцированный подход. При этом преимущественное внимание должно быть уделено выявлению потребностей женщин в определенных видах труда в общественном производстве, выбору конкретных форм этого участия применительно к условиям жизни в городе и на селе. Надо учитывать и другое важное обстоятельство — незанятая часть женщин слабомобильна для территориального перераспределения. Значит, вовлекать женщин, особенно многодетных, в общественное производство надо прежде всего на местах. Это не исключает, разумеется, направления женской молодежи, оканчивающей общеобразовательную школу, на обучение в другие республики, на ударные комсомольские стройки, что требует кропотливой идеологической и организационной работы среди не только женского, но и мужского населения, и молодежи, и старших поколений.

Наши исследования показали, что работа по вовлечению женщин в общественное производство может дать должный результат лишь при комплексном подходе к этому вопросу. Особенно важно создание необходимых условий труда и быта там, где в основном заняты женщины, в филиалах и цехах промышленных предприятий в малых и средних городах, райцентрах, ибо нерешенность многих вопросов организации труда и быта препятствует интенсивному формированию рабочего класса из местного женского населения.

Прежде всего требует пересмотра проектирование строительства этих филиалов, не учитывающее пока местных климатических условий и национальных особенностей. Недавно я побывала в Каттакурганском филиале ПШО им. 8 Марта, где трудится свыше 300 женщин при 2-сменном режиме работы. Ни горисполком, ни головное предприятие не проявляют должного внимания к проблемам филиала, а они не простые. Летом, при 40-градусной жаре, на фабрике от раскаленного металлического потолка и железа температура доходит до 60°. На

фабрике отсутствуют элементарные условия: комнаты для принятия пищи, комнаты гигиены женщины, водопровод, холодильники, плохо с обеспечением продуктами, жильем и другими услугами. 90% оборудования составляют старые, списанные с головного предприятия швейные машины и полуавтоматы. Нет перспектив и в росте квалификации; в среднем работницы имеют 2-й разряд. Вот почему при наличии в Каттакургане 7 тыс. незанятого населения текучесть кадров на данном предприятии составляет 25%. Аналогичные проблемы характерны и для других филиалов и цехов республики. Многие из них нуждаются в хороших производственных помещениях, современном оборудовании и т. п.

Проблема вовлечения женского населения в общественное производство тесно связана с развитием сферы приложения труда, которая еще недостаточна. Необходима переориентация в развитии и размещении производительных сил страны, в частности путем создания в Узбекистане общесоюзной базы для развития текстильной, швейной, пищевой промышленности с ориентацией на изготовление конечного продукта. Требуется усиление темпов развития отраслей сферы обслуживания, более благоприятной для использования женского труда. Следует максимально использовать положения «Закона о государственном предприятии» и «Закона об индивидуальной трудовой деятельности». Важное значение имеют коренная перестройка системы профориентации и профессионального образования среди женской части молодежи с переводом ее на подготовку кадров для индустриального производства и сферы обслуживания. Шире следует развивать надомные формы труда и льготные режимы работы.

Например, уже сегодня, как показывают данные наших социологических исследований по ряду областей республики, 2/3 женского населения, занятого в домашнем хозяйстве, хотят работать на дому. Однако на местах им приходится сталкиваться с косностью, консерватизмом, нежеланием повернуться лицом к этим вопросам со стороны министерств, ведомств, отдельных хозяйственных руководителей.

Решение проблемы вовлечения женского населения в общественное производство требует тщательного и глубокого изучения многих вопросов, связанных с условиями труда, быта, психологии и т. д.

В связи с актуальностью проблем рациональной занятости женщин необходимо рассмотреть различные альтернативы в области социально-демографической политики. Мы считаем, что она должна быть направлена на дальнейшее увеличение женщинам продолжительности частично оплачиваемого отпуска и одновременное повышение качества работы детских дошкольных учреждений. Дело в том, что создание одного рабочего места в общественном производстве обходится государству примерно в 25 тыс. руб. и эта цифра будет еще возрастать в связи с ускорением НТП. Если исходить из существующей средней зарплаты работающей женщины, то уже в ближайшей перспективе на частично оплачиваемые отпуска женщинам с детьми до 2 лет государство должно будет тратить в республике около 15 млн. руб., а до 3 лет — 30 млн. руб. Между тем создание за это же время новых рабочих мест для женщин потребует 50—60 млрд. руб.

Очевидно, и с точки зрения социально-демографической политики, и в плане охраны здоровья детей и женщин первый путь — наиболее эффективный. Однако он не снимает вопроса о том, что при желании любая женщина может работать в соответствии с ее запросами. Правда, есть мнение, что отвлечение женщины на три года от труда в общественном производстве в социальном плане будет ущемлять

интересы женщин, но нам представляется, что воспитание с раннего детства здоровых, физически крепких, полноценных членов общества — не менее важная социальная задача. Тем более, что в республике сейчас возникает очень много проблем, связанных с негативным влиянием частых родов на здоровье женщины и подрастающего поколения. Этот вопрос недавно поднимался на страницах печати (в беседе с зам. Председателя Совета Министров УзССР С. У. Султановой) — и совершенно правомерно, так как для общества с высокими темпами НТП, нарастающей урбанизацией важен вопрос не столько о количестве, сколько о качестве подрастающего поколения.

В этой связи большую актуальность приобретают вопросы внутрисемейного регулирования рождаемости, которые изучены пока недостаточно. Надо сказать, что уже проявляется желание ограничивать число детей даже у сельских женщин, однако его реализация еще невозможна из-за недостаточной просветительной работы на селе, а также медицинской помощи.

Однако само по себе ограничение и регулирование рождаемости в семье не может автоматически поднять качество здоровья подрастающего поколения и самой женщины, если эти меры не будут подкрепляться соответствующей системой социальных условий, общим повышением уровня жизни в сельской местности.

Между тем, как показывает статистика, в Узбекистане в этом плане еще много нерешенных вопросов. Прежде всего отметим недостаточный уровень потребления продуктов питания, особенно в сельских местностях, отрицательное влияние окружающей среды и химикатов, слабое развитие сферы услуг, сети детских дошкольных учреждений, медленное проникновение на село современной культуры быта.

При всех прочих равных условиях, главным источником повышения жизненного уровня населения, в том числе женщин, служит высокопроизводительный труд в общественном производстве на основе вытеснения тяжелого физического, ручного труда. И здесь в республике имеются очень большие резервы. Значительная часть женщин, работающих в промышленности и сельском хозяйстве, занята еще тяжелым, ручным трудом. Не поторопились ли мы, привлекая женщин к труду в ряде отраслей и видов работ, где следовало бы запретить или ограничить использование женского труда?

Женщины вправе предъявить серьезный упрек нашим министерствам и ведомствам, проектным институтам, конструкторским бюро, проектирующим машины и механизмы, в том числе сельскохозяйственную технику, без учета специфики женского труда, высокой физической и психологической нагрузки.

Не менее актуальна проблема ускорения развития социальной сферы, прежде всего сферы услуг. Значение ее еще более возрастет, если учесть, что, по расчетам социологов, совокупный рабочий день женщин достигает 16 час. в сутки, а в среднем в год, включая выходные и отпуска, — до 11,5 час. Это в 1,5—2 раза больше, чем совокупный рабочий день мужчины. В этих условиях возникает острая необходимость в ускорении темпов развития отраслей сферы обслуживания, службы быта.

Анализ показывает, что организация торгового, бытового и коммунального хозяйства еще не удовлетворяет растущих запросов женского населения. Особенно это касается службы быта, которая на сегодняшний день не справляется со своими обязанностями. Так, в 1986 г., как указывалось в выступлении И. Б. Усманходжаева на IV пленуме ЦК КП Узбекистана, не было оказано населению бытовых

услуг более чем на 11 млн. руб. Свыше 35% областных производственных объединений не справились с выполнением государственных планов. Напряженное положение сложилось в республике с выполнением государственного плана розничного товарооборота. Задания 1986 г. республика не выполнила. Об остроте этих проблем говорилось и на состоявшейся в мае 1987 г. 5-й сессии Верховного Совета УзССР 11-го созыва.

Недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры существенно сказывается на уровне занятости женщин в общественном производстве и эффективности использования женского труда. Поэтому ускорение темпов развития отраслей, обслуживающих население, особенно женщин, составляет первостепенную задачу в решении социальных проблем использования женского труда и вообще роста социальной активности женщин.

Много у нас нерешенных вопросов более эффективного использования труда женщин и в науке. Разве можно считать социальной справедливостью тот факт, что из 40 тыс. научных работников — лишь 36% женщин. А среди академиков, членов-корреспондентов и профессоров их немногим более 8%.

Не является ли, кстати сказать, крупным недостатком нашей работы тот факт, что за 70 лет после Октябрьской революции и 60 лет после «Худжума» мы не смогли подготовить фундаментальный труд, раскрывающий вклад женщин в развитие науки в Узбекистане.

Хотелось бы упомянуть и еще об одной проблеме — рациональном использовании внерабочего и увеличении свободного времени работающих женщин. В демографических условиях УзССР вопросы эффективного использования свободного времени женщин связаны прежде всего с таким фактором, как количество детей в семье. Свободное время многодетных женщин почти в 3,5 раза меньше, чем у не имеющих детей. Поэтому увеличение свободного времени следует рассматривать как важнейший фактор улучшения условий женского труда и быта, главную предпосылку развития и совершенствования образа жизни женщин, способствующую формированию всесторонне развитой личности.

Комплексный, научно обоснованный подход к решению этих и других проблем позволит полнее использовать огромные преимущества социализма, благоприятнейшие условия, создаваемые перестройкой, для еще более широкого и эффективного использования женских трудовых ресурсов, активизации участия женщин во всех сферах жизни советского общества, в сочетании с успешным выполнением ими великой и прекрасной роли Материнства.

О. П. УМУРЗАКОВА

«ХУДЖУМ» И СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ТРАДИЦИЙ

На XXI съезде Компартии Узбекистана было особо подчеркнуто значение 60-летия начала движения «Худжум» — всенародного похода за раскрепощение женщин. Это историческое событие обретает острый смысл ныне, в атмосфере глубокой перестройки и ускорения развития советского общества, активизации человеческого фактора и совершенствования социалистического образа жизни, что побуждает ученых-обществоведов еще раз внимательно проанализировать, насколько цели и задачи этого движения претворены в жизнь, а какие проблемы ут-

верждения и развития новых семейно-бытовых традиций настоятельно требуют своего решения и как это влияет на положение женщин сегодня.

Политически и юридически вопрос о женском равноправии был решен Советской властью самым радикальным образом в первые же годы после победы Великого Октября. Политическое и юридическое равенство женщин с мужчинами было закреплено в Конституциях РСФСР и ТАССР 1918 г., декретах и других законодательных актах молодого Советского государства. Однако впереди было еще много трудностей, надо было обеспечить фактическое (экономическое, социальное и культурное равенство) женщин, что требовало длительной, упорной, кропотливой работы, напряженной борьбы с вековыми устоями старого быта, пережитками и предрассудками, глубоко укоренившимися в сознании людей, с противниками женского равноправия.

«Худжум» нанес сильный удар по отсталым, патриархально-феодальным традициям и обычаям в быту. Тысячи женщины, несмотря на ожесточенное противодействие со стороны эксплуататорских элементов, реакционного духовенства, рвали со старым бытом, сбрасывали паранджу, включаясь в общественное производство, учебу, работу Советов, кооперации и др.

Это приводило в бешенство противников женского равноправия — врагов новой жизни, религиозных фанатиков, и они отчаянно цеплялись за старое, особенно за изжившие себя обычаи, традиции, обряды, устои патриархального быта, удерживавшие женские массы в узком, затхлом мирке ичкари. Их поддерживала наиболее отсталая, религиозно настроенная часть населения. В результате положение основной массы женщин коренных национальностей, особенно в кишлаке, фактически мало в чем изменилось в первые послереволюционные годы. Они по-прежнему находились под бременем законов шариата и адата.

Партийные, советские, хозяйственные органы прилагали огромные усилия, чтобы шире вовлекать местных женщин прежде всего в сферу производственно-хозяйственной деятельности; при этом особое внимание обращалось на участие женщин в традиционных отраслях ремесленного производства. Для этого создавались женские артели и производственные кружки. Одновременно открывались женские школы, детские учреждения, женские консультации, женские клубы и др. Все это влияло на сознание женщин, их отход от канонов старого быта, унижавших женщин патриархально-феодальных традиций, способствовало росту их социальной активности.

В пропаганде женского равноправия, идей нового быта и новых традиций большую роль сыграло создание общества «За новый быт» и специальных комиссий по улучшению труда и быта женщин (КУБТ), возникших в Узбекистане в 1925 г. Под руководством женотделов партийных комитетов они занимались трудоустройством женщин, вели борьбу с затворничеством, калымом, многоженством, выдачей замуж несовершеннолетних и другими проявлениями патриархального быта, старых традиций, феодально-байского отношения к женщинам.

В борьбе за новый быт активно участвовали женские клубы, действовавшие в них женские консультации, бытовые комиссии, кружки и др. В этих клубах с женщинами проводились беседы на различные темы, им давали советы по организации быта семьи, защите своих прав, учили их домоводству, правильному воспитанию детей, соблюдению элементарных требований сангигиены. Положительную роль играли и семейные кружки (например, в Наманганской области). Их целью было вывести женщин из затворничества, вырвать из-под влия-

ния патриархальных обычаев, норм шариата и адата, поднять их культурный уровень, способствовать установлению равноправных, товарищеских отношений женщин и мужчин, формировать новые отношения в семье, в частности к невестке.

Бороться приходилось и с отсталыми взглядами самих женщин, сознание которых находилось еще под влиянием старых традиций и предрассудков, религиозных норм, неверных представлений о роли и месте женщины в обществе и семье.

Вот почему столь значимы были в те годы ленинские слова, сказанные в беседе с делегацией из Дагестана: «Вам надлежит произвести революцию. Не только в быту горянок, но и в их сознании, и в психологии. Сумейте сделать так, чтобы она прежде почувствовала себя равным членом нашего общества, возложите на нее такую же ответственность, какую несут мужчины. Смелее вовлекайте горянку в политическую и хозяйственную жизнь республики»¹. Это имело прямое отношение и к женщинам Средней Азии.

Организуя движение «Худжум», Коммунистическая партия исходила из того, что дальнейшее успешное развитие Узбекистана по социалистическому пути действительно требует самых решительных мер по освобождению женщины от оков старого быта, старых воззрений и косных традиций. «Худжум» был направлен на ликвидацию патриархально-байских традиций в семье, в повседневном быту и сознании людей, в отношении к женщине. Весной 1927 г. десятки тысяч женщин на митингах, демонстрациях и многочисленных собраниях публично сбрасывали и сжигали паранджи и чачваны. Они требовали положить конец позорным пережиткам прошлого, шире открывать школы ликбеза, женские клубы, артели, курсы, решительно карать всех противников женского равноправия². В этом массовом движении приняла самое активное участие широкая общественность нашей республики во главе с коммунистами. В рядах активисток этого движения были лучшие женщины Узбекистана, такие, как Шамсикамар Гаибджанова, Жяхон Абидова, Таджихон Шадыева, Чиннихон Ибрагимова и многие другие. На митингах, демонстрациях, в коллективных и индивидуальных беседах они призывали своих подруг сбрасывать ненавистную паранджу, выходить из стен ичкари на широкую дорогу новой жизни, решительно идти наперекор старым традициям, учиться, вступать в артели, кооперативы, работать в общественном производстве, участвовать в выборах в Советы, разоблачать происки врагов Советской власти, противников женского равноправия.

Коммунистическая партия выступала руководящей и направляющей силой всех мероприятий по созданию материальных и духовных предпосылок для фактической эмансипации женщин-узбечек. Успехи социалистического строительства, победа социалистической индустриализации, утверждение колхозного строя, осуществление глубокой культурной революции, мудрая ленинская национальная политика Коммунистической партии и Советского государства в корне изменили положение женщин местных национальностей в обществе, семье, быту.

Вместе с формированием нового быта и новой, социалистической семьи, основанной на взаимной любви, уважении, равноправии супругов, пришли новые традиции, отражающие новые социальные условия жизни женщин, отвечающие самой природе социализма. Под напором

---

¹ Цит. по: Магамедов Р. Т. Новое время и старые обычаи. Махачкала, 1966. С. 93.

² ЦГА УзССР, ф. Р-9, оп. 1, д. 3370, л. 58—59.

новой жизни, при растущей активности женских масс рушились устои старого быта, отмирали реакционные традиции.

Миллионы женщин становились подлинными хозяйками своей судьбы и своей страны. Их уже нельзя было упрятать под паранджу, удержать в ичкари, помешать им учиться, работать, участвовать в общественной жизни, запугать «карами аллаха», продавать, как вещь, заставить выполнять унижительные обычаи и обряды. Многие женщины, борясь за свои права, обращались в партийные, советские органы, общественные организации, а если надо — то в милицию, в суд, и находили там надежную защиту и себе, и своим детям. Это и были реальные плоды «Худжума».

Герой Социалистического Труда, народная поэтесса УзССР Зульфия в своих воспоминаниях об академике АН УзССР Хадиче Сулаймановой пишет, что «у нее были слезы на глазах, когда она рассказывала об ужасной участи женщин прошлого. У нее на глазах были слезы радости, когда она говорила о судьбе наших сверстниц — тех, кому советские законы дали право жить и развиваться»³.

60 лет прошло со времени развертывания «Худжума». Но значение его актуально и сегодня. Ибо те ростки, которые тогда лишь начинали формироваться, ныне приносят замечательные плоды.

За годы Советской власти женщины стали влиятельной силой социалистического общества, они активно проявляют себя на всех участках экономического, социального, государственного и культурного строительства. Своим самоотверженным трудом советская женщина внесла огромный вклад в победу социализма в СССР. А ныне женщины Узбекистана, как и всей страны, деятельно участвуют в процессах перестройки, идущих во всех сферах жизни нашего общества. Они горячо поддерживают новаторский курс партии на революционное обновление и ускорение социально-экономического развития страны, всестороннее совершенствование социализма.

Нет необходимости вновь подчеркивать, каких разительных успехов достигли женщины Узбекистана за эти 60 лет. Многие идеи «Худжума» сегодня успешно претворены в жизнь. Но жизнь идет вперед. Встают новые задачи, решительного устранения требуют накопившиеся за последние десятилетия разного рода негативные явления, в том числе в сферах, прямо связанных с жизнью, трудом, бытом женщин.

Решения партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС и ЦК КПУз, Всесоюзной конференции женщин в Москве акцентируют наше внимание на острых социальных проблемах семьи и быта, жизни труженниц города и села.

Надо прямо сказать, что и семейно-бытовые традиции в своем развитии все еще отстают от замечательных общественно-политических, трудовых традиций советских людей. Надо основательно разобраться, какие семейно-бытовые традиции полезны, а какие отжили и как с ними бороться.

Не искоренены до конца многие вредные пережитки, в частности в семейно-бытовой сфере, в отношении к женщине. Более того, в атмосфере известных негативных явлений произошло определенное оживление, казалось бы, изжитых традиций и обычаев прошлого, как калым, исполнение религиозных обрядов на свадьбах, при рождении ребенка и проч.

В докладе И. Б. Усманходжаева на V съезде женщин Узбекистана отмечалось, что «упущения в идейно-воспитательной работе, в утвер-

³ Цит. по: Сулайманова Х. С. Собр. соч. Т. III. Ташкент, 1971. С. 357.

ждении социалистического образа жизни приводят к серьезным последствиям. Невозможно мириться с тем, что все еще имеют место случаи феодально-байского отношения к женщине. Не встречая должной оценки со стороны партийных, советских, общественных организаций, в ряде районов продолжается скрытая купля-продажа девушек в форме калыма. Есть немало случаев унижения женщин в семье. Такое наблюдается в Самаркандской, Кашкадарьинской, Джизакской, Навоийской, Сырдарьинской и других областях. К большому сожалению, еще не везде феодально-байское отношение к женщине получает серьезный отпор со стороны общественности. Безнравственно, более того — преступно быть молчаливым, равнодушным свидетелем драмы человеческой личности»⁴.

Преодоление этих негативных явлений требует решительных усилий, осуществления целого комплекса мер. Как известно, вовлечение женщин в общественное производство, творческий коллективный труд служат важным фактором изменения ее положения в семье и быту. Между тем многие десятки тысяч женщин республики еще не вовлечены в общественное производство ввиду их профессиональной неподготовленности, отсутствия рабочих мест и надлежащих условий, недостаточного развития и плохой постановки службы быта, нехватки мест в детских яслях и садах (обеспеченность ими в среднем по республике составляет 37%, а в сельской местности — и того меньше).

Наряду с этими объективными факторами сказывается и вредное влияние пережитков традиций, обычаев и предрассудков прошлого, религиозных догматов, чуждых нам взглядов на роль женщины в обществе, ее место в семье. В связи с этим надо всемерно усиливать борьбу с косными традициями, работу по атеистическому и интернациональному воспитанию женщин, поставив всю эту работу на подлинно научную базу и последовательно проводя в жизнь комплекс запланированных мероприятий и организационного, и воспитательного порядка. Активнее следует применять и нормы Закона.

Необходимо вести постоянную индивидуальную работу на местах с женщинами, строить ее с учетом специфики конкретного женского контингента (возраст, участие в общественном труде, профессия, семейное положение и т. п.). Все это требует планомерной постановки конкретно-социологических исследований с использованием их материалов и выводов для совершенствования всей работы среди женщин.

Советское государство окружило большой заботой женщину-труженицу. Ей предоставлено много прав и льгот. Разумеется, это сказывается и на семейно-бытовых традициях. Однако льготы и права не всегда реализуются на местах. Не везде создаются необходимые для этого условия. Это и недостаточное развитие сферы соцкультбыта, особенно на селе, и нехватка товаров для детей и женщин, и равнодушное, бюрократическое отношение к женщинам отдельных руководителей, и многое другое. В результате женщинам-матерям, работающим на производстве, с огромным напряжением приходится сочетать общественно полезный труд и домашние заботы. Многие женщины постоянно ищут пути для своего профессионального и культурного роста. Но немало и таких, которые стремятся оправдать свое пассивное участие в производстве и общественной жизни семейными заботами.

Опыт подсказывает, что традиции многодетных семей также следует рассматривать дифференцированно. Ведь многодетность нередко выбивает женщин из орбиты хозяйственной и общественной жизни.

---

⁴ Правда Востока. 1987. 26 апр.

К тому же в связи с недостатками в деле народного здравоохранения, низким уровнем материальной и духовной культуры быта, особенно на селе, наблюдаются высокая заболеваемость женщин и рост детской смертности в отдельных областях республики.

В борьбе с этими явлениями следует объединить усилия наших партийных, советских, хозяйственных работников, медиков, ученых и др.

Трудолюбие — замечательная традиция наших женщин. Но для их творческого труда надо создавать необходимые условия и на производстве, и в быту, всячески сокращать сферу тяжелого физического, ручного труда, усиливать охрану труда женщин, всемерно облегчать их домашний труд, воспитывать у мужчин стремление во всем помогать женщинам в семейном быту, воспитании детей.

Мы высоко ценим такие подлинно народные традиции, как уважение к старшим, прочность семейных уз, скромность и др. Но нельзя допускать, чтобы этими традициями прикрывались любые формы унижения, оскорбления женщин, ущемления их прав в семье, быту и др.

Большую роль в решении проблем, связанных с положением и поведением женщин в семье и быту, играют активизация интернационального, патриотического и атеистического воспитания, внедрения в жизнь новых общесоветских обрядов и традиций, решительная борьба с любыми проявлениями национализма, религиозного мировоззрения, мелкобуржуазной психологии, увлечения патриархальщиной и проч.

Очень важны укрепление общественных начал в быту, повышение культуры проведения досуга, совместное проведение семьями соседей, сотрудников по работе интернациональных семейно-бытовых празднеств и т. д.

Все более популярными становятся у нас новые праздники. На местах ведется большая работа по поиску и внедрению новых семейно-бытовых традиций и обрядов. Так, в Сиабском районе Самаркандской области проведен праздник семей, на котором чествовали ветеранов, прошло бракосочетание молодых семей, организован конкурс-выставка приготовления старинных, но забытых блюд узбекской кухни.

Очень важно усилить работу по созданию новых, интересных, идейно и эмоционально насыщенных, пронизанных интернационализмом и гуманизмом, социалистической моралью обрядов, ритуалов, семейных торжеств и др. И все они должны быть проникнуты духом равноправия женщин, высокого уважения к труженице, матери, понимания ее высокого статуса в советском обществе и семье.

Новые традиции и обряды выражают и закрепляют новые отношения между людьми, создают настроения социального оптимизма, уверенности в будущем и т. д. Так, в Шурчинском кишлачном Совете Нарынского района Наманганской области была организована встреча «за круглым столом», где обсуждался вопрос о внедрении новых обычаев, обрядов и традиций в быт трудящихся, в частности о проведении свадеб по новому, скромно, с наименьшими затратами, без алкогольных напитков, религиозных ритуалов, соблюдения обычаев, связанных со всякого рода суевериями.

В Кайкином кишлачном Совете Учкурганского района Наманганской области создан специальный клуб по проведению свадебных и других обрядов. И надо отметить, что все больше семей в кишлаке стали проводить свадьбы по-новому. Прочно входят в быт трудящихся комсомольские свадьбы. Только в 1985 г. в Намангане было проведено 680 таких свадеб⁵.

⁵ Текущий архив Наманганского ГК ЛКСМУз за 1986 г.

Все эти поиски требуют всесторонней поддержки со стороны партийных, советских, хозяйственных органов, общественных организаций. Особое внимание следует уделить расширению системы подготовки и повышения квалификации работников ЗАГСов, культурно-просветительных учреждений и др.

Надо всемерно развивать деятельность женсоветов, создаваемых как в городе, так и на селе. Не секрет, что нам все еще мешает робость женщин в преодолении устоявшихся привычек и традиций, поддерживаемых отсталой частью пожилого контингента населения, влиянием пережитков религии. Многие женщины, не занятые общественно полезным трудом, не отличают национальных традиций от религиозных. Все это приводит в отдельных случаях к компромиссам с пережитками прошлого, особенно на селе.

Исследования социологов Института философии и права АН УзССР показывают, что зачастую отсталые обычаи и традиции соблюдаются из-за неправильно понимаемой сути уважения к старшим, по привычке, из-за страха перед осуждением со стороны окружающих и близких. И в этом отношении определенную роль играет мнение женщин (матерей, бабушек). Отсюда очень важное значение имеет формирование правильного общественного мнения, а для этого надо глубже и шире поставить разработку проблем общественного мнения, его конкретно-социологического изучения.

Мировоззренческие, идейно-воспитательные аспекты утверждения новых советских обрядов вообще во многом зависят от женщин, от их социальной активности, культурного уровня, сознательности, идейной убежденности, духовной зрелости, правильно сформулированного общественного мнения.

В свою очередь — и такова диалектика жизни — внедрение новых обычаев, обрядов, традиций, ритуалов оказывает огромное воспитательное воздействие на женщин, их социальное самосознание, активность их жизненной позиции; решимость настойчиво бороться за новое, передовое, против всего косного, отжившего, против любых негативных явлений; стремление умножать свой вклад в общенародное дело ускорения перестройки и революционного обновления всех сфер социального бытия. И это отвечает всем нашим славным традициям, идеалам участников исторического движения «Худжум», бессмертным ленинским заветам, идеям Великого Октября.

А. П. КАЮМОВ

ВО ИМЯ ГРЯДУЩЕГО

(Мысли вслух)

Однажды стоял я в очереди за железнодорожным билетом. Очередь была довольно длинной. Стоя далеко от кассы, я рассматривал объявление, которое висело на стене. Там было написано, что такие-то лица имеют право получить билет вне очереди. Вдруг у кассы заметили некоторое оживление. Двое человек преклонного возраста: мужчина и женщина, судя по одежде, из отдаленных кишлаков Южного Узбекистана, — растерянно стояли у начала очереди. Один из тех, кто был ближе к кассе, что-то энергично объяснял им. Старцы слушали его. Их благообразные лица не выражали ничего, кроме понимания и послушности. Затем, не роняя достоинства, они медленно отошли от кассы. Когда они проходили мимо меня, я увидел на пиджаке женщи-

ны орден «Мать-героиня». Оказывается, наивные гости Ташкента услышали, что герои получают билет на поезд без очереди. Поэтому и подошли к кассе. Но здесь им объяснили, что эта льгота не относится к матери-героине.

Действительно, в перечне лиц, имеющих право на внеочередное получение билетов, матери-героини не значатся. Справедливо ли это? Носить в себе в течение многих месяцев плод, дать ему жизнь, терпеть многочисленные трудности, в тяжелейших муках произвести свое дитя на свет, а затем на протяжении бесконечных дней и бессонных ночей растить его, лечить, воспитывать, вырастить из него человека, достойного гражданина. Ведь все это возможно лишь благодаря могучей животворной силе, именуемой Материнством! Разве это не подвиг? И повторяется он матерью-героиней не один, два, три, пять, а десять раз и более. Это и есть подлинный героизм. Поэтому многодетным матерям и присваивается почетное звание «Мать-героиня». Присваивается. А дальше что? В перечне лиц, имеющих право приобретать билеты вне очереди, матери-героини нет. Пожалуйста, становитесь в хвост очереди, достанется билет — получите, а нет — завтра придете пораньше, может быть, билет достанется. Верно ли это? Почему бы статус матери-героини не приравнять к статусу Героя Социалистического Труда и дать ей возможность пользоваться соответствующими льготами? Ведь герои труда тоже рождены матерями, и разве житейский подвиг матерей менее значителен, чем подвиг трудовой? Кстати, матери наши, как правило, являются самыми активными участниками повседневных трудовых свершений.

В газете «Узбекистон адабиёти ва санъати» я прочел письмо бригадира совхоза «Язъяван» Язъяванского района Ферганской области Зубайды Исламовой, Ш. Амановой (Узбекистанский район), С. Ахмедовой (Задарьинский район). Письмо опубликовано 15 мая 1987 г. и называется «Цена женского труда».

Труженицы хлопковых полей полны сознанием ответственности своего тяжелого труда по выращиванию хлопка. Они ни на что не претендуют, никаких льгот себе не требуют. Хоть и следовало бы отдать должное их нелегкому, почетному труду. Они просят лишь, чтобы соблюдались нормы трудового законодательства.

«Мы, сельские женщины,— пишут они,— совершенно не пользуемся теми условиями, (которые установлены). Нечего и говорить о двухдневных выходных днях в неделю, даже дневное рабочее время для нас не 8 часов, а от зари до захода солнца. Даже для беременных женщин». Далее авторы письма жалуются на нарушения порядка оплаты декретных отпусков, отсутствие заботы об улучшении условий труда женщин.

В том же номере газеты опубликованы выступления председателя Республиканского Комитета профсоюза работников агропромышленного комплекса, а также заместителя главного государственного санврача Узбекистана. Они лишь подтверждают то, что пишут авторы письма. Но дело не в том, чтобы подтверждать. Надо действовать. Отраслевой профсоюз выдвинул перед хозяйственными руководителями 56,4 тыс. требований по этим вопросам. А сколько из них выполнено? Об этом ни слова. Кого-то наказали, кого-то сняли. Ну и что? Какое улучшение произошло? Нам это не известно. Зам. главного санврача тоже только констатирует факты и жалуется. Где же ваши надзорные функции, товарищи санитарные врачи? Пора бы встать на защиту прав матерей, за соблюдение трудового законодательства в отношении женского труда так же решительно, всей массой, как в годы

«Худжума!» Не констатировать общеизвестное, а всем миром устранять недоделки, ломать преграды, делать все, чтобы матери были спокойны за своих детей, работали столько, сколько предусмотрено Законом, в соответствующих условиях.

Я не делаю здесь никаких «открытий», не предлагаю никаких нововведений. Повторяю только то, что нужно делать. Президиум Верховного Совета Узбекской ССР рассмотрел 21 мая 1987 г. вопрос об исполнении законодательства о награждении многодетных матерей и охране материнства и детства. Об этом сообщила 22 мая 1987 г. газета «Правда Востока». Президиум Верховного Совета Узбекской ССР отметил, что исполкомы местных Советов не проявляют должного внимания к вопросам охраны материнства и детства. В ряде мест слабо развивается социальная сфера, ощущается острая нехватка жилья, детских садов, яслей и других объектов. Многодетным матерям не создаются необходимые условия для участия в трудовой и общественной деятельности.

Все мы знаем, что принято и принимается много хороших решений. Дело за их выполнением. Этим и надо заняться всем нам. Не мешкая и не мешая друг другу, а сообщая, каждый на своем месте. Научная общественность — большая сила. А в сфере науки есть еще масса проблем, связанных с охраной материнства и детства.

Прежде всего нам надо добиваться того, чтобы каждый человек с глубочайшим уважением и трепетным волнением относился к Матери. Его человечность проявляется прежде всего в этом. Наши инструкции и правила тоже должны быть проникнуты этим священным чувством к Материнству. А разве соответствует здравому смыслу, например, инструкция о том, что если мать родила близнецов, то пособие она получает только за одного из них? Почему ущемляется право советского гражданина — одного из близнецов? Разве труд матери по уходу за двумя детьми не больше, чем при уходе за одним ребенком? Почему труд матери по уходу и воспитанию детей не учитывается при определении трудового стажа? Разве воспитание достойного гражданина, физически и духовно здорового человека менее ценно, чем производство какого-нибудь продукта производства? Не надо забывать, что самая внимательная воспитательница, самый умный и опытный педагог, самый квалифицированный наставник не могут заменить ребенку теплое дыхание матери, ее ласковый, полный любви и восхищения взгляд, ее заботливое прикосновение. Почему появляется потомство, которое оставляет своих престарелых родителей, почему некоторые родители жалуются на невнимательность своих детей по отношению к ним?

Надо разобраться в причинах таких явлений и дать обоснованные ответы и рекомендации. Это прямой долг представителей общественных наук.

Комсомолу надо бы выступить инициатором решения проблемы студенческих семей. Одна многоопытная женщина-врач, всю жизнь проработавшая в родильном доме, в беседе говорила, что самое здоровое потомство рождается матерями в возрасте 19—22 лет. Между тем именно эти годы приходятся на период учебы. Романтическая пора увлечений, любви у молодежи тоже приходится на это время. А социальные, бытовые условия совершенно не соответствуют этому. В результате сколько случается ошибок, разочарований, сломленных судеб у молодых людей! Неужели администрация, общественные организации учебных заведений при широком участии самих студентов не могут, хотя бы в порядке эксперимента, создавать семейные общежития, организовать в них надлежащий быт, способствовать созданию и ук-

реплению студенческих семей, их нормальному устройству? Все можно сделать, если только взяться всем вместе с ясно осознанной целью.

60 лет славному движению «Худжума». За исторически короткий период в Узбекистане изжиты и паранджа, и неграмотность женских масс. Воспитаны целые поколения женщин — активных участниц социалистического строительства. Но жизнь движется вперед и выдвигает все новые проблемы. В этом и основа прогресса. Характер и суть проблем меняются. Но они есть и всегда будут. В настоящее время, когда в нашем обществе разворачивается процесс глубокой перестройки, на многие явления жизни надо смотреть по-новому. Время любований успехами прошло. Надо смелее раскрывать суть новых проблем и браться за их решение. Я затронул лишь некоторые стороны охраны материнства и детства. А ведь проблема эта весьма многогранна. Материнство и детство, отношение к ним органически связаны со строительством будущего. И во имя грядущего мы должны всегда держать в центре внимания наивысшее достояние человеческой природы — Материнство, преклоняться перед его немеркнущей красотой и величайшей созидательной силой!

Диалектика развития производительных сил и производственных отношений развивающегося социализма

Н. Р. ХАМРАЕВ

О РАЗВИТИИ ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА УЗБЕКИСТАНА НА БАЗЕ ИМЕЮЩИХСЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

Решение важнейших проблем экономического и социального развития Узбекистана в свете указаний XXVII съезда КПСС и XXI съезда Компартии Узбекистана в значительной мере зависит от устойчивой обеспеченности народного хозяйства республики водными ресурсами.

Узбекская ССР располагает более чем 12 млн. га земель, пригодных для орошения. При предельной площади орошения на лимитированных водных ресурсах 4800 тыс. га на 1985 г. из имевшихся 3908,4 тыс. га орошаемых земель использовалось 3840,0 тыс. га.

Нынешняя напряженность водохозяйственной обстановки связана прежде всего со все еще недостаточно совершенным техническим состоянием гидромелиоративной системы, низкий уровень которой стал одной из главных причин исчерпания лимита водных ресурсов, определенных на перспективу при сезонном регулировании стока рек в размере 63 км³ и при многолетнем — 71,7 км³. К числу этих причин необходимо отнести и нерациональное использование воды многими промышленными предприятиями, коммунально-бытовым хозяйством и др.

Водохозяйственная обстановка осложняется также прогрессирующим процессом ухудшения качества воды и негативными последствиями экологических изменений от усыхания Аральского моря. В лимитированный водный баланс необходимо внести коррективы, вытекающие из положений, определенных постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению экономического и социального развития Каракалпакской АССР»¹ и «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек»², а также возможного увеличения в перспективе водоотбора не республиканскими потребителями.

В результате — объективные затруднения в расширении орошаемого земфонда, развитии промышленности, удовлетворении потребностей населения и коммунального хозяйства в пресной воде.

Требования к эффективному использованию водных ресурсов следует рассматривать также с учетом реальной демографической обстановки в республике. Проблема обеспечения трудозанятости населения определяет необходимость регламентации и рационального распределения водных ресурсов между отраслями народного хозяйства по критерию максимального обеспечения новых рабочих мест.

В складывающихся условиях назрел вопрос о коренной реорганизации водного хозяйства, предусматривающий:

— перестройку и переориентацию стратегии развития народного

¹ См.: Правда Востока. 1986. 18 апр.

² См.: Правда, 1986. 20 авг.

хозяйства республики в среднесрочной перспективе на эффективное использование имеющихся водных ресурсов;

— широкое внедрение водосберегающих технологий в водопотребляющих отраслях промышленности, сельском, коммунально-бытовом хозяйствах и др.;

— преобразование гидромелиоративных систем староорошаемой зоны в технически совершенные с оптимальным расходом воды на производство продукции;

— переход на использование оросительной воды повышенной, против нормативов, минерализации;

— ориентацию на расширение орошаемого земфонда преимущественно за счет освоения переложных земель (внутрихозяйственные приросты);

— повышение уровня механизации и автоматизации водораспределения в бассейнах рек и ирригационных районов;

— переход на безотходную систему использования водных ресурсов;

— возможное пополнение водных ресурсов за счет вовлечения нетрадиционных источников (снежники, ледники, осадки) в пределах сохранения экологического равновесия;

— переход на гибкую систему планирования оптимального объема производства сельхозпродукции в зависимости от водности года.

Реорганизация водного хозяйства включает также перестройку и нацеливание академического, отраслевого и вузовского потенциала на эффективное научное обеспечение развития водохозяйственного комплекса в целом.

Сложность и многоплановость проблемы водных ресурсов выдвигает особые требования к определению регионального понятия «водохозяйственный комплекс» (ВХК). ГОСТом 19185—73 понятие «водохозяйственный комплекс» определяется как «совокупность различных отраслей народного хозяйства, совместно использующих водные ресурсы одного водного бассейна», и учитывает связанные между собой природную, экономическую и техническую части.

В региональных условиях Средней Азии в состав участников водохозяйственного комплекса, кроме водопотребителей и водопользователей, необходимо включить и производственную сферу, обеспечивающую динамичное развитие структуры водохозяйственной системы в интересах экономики республики (региона). Это — мощности водохозяйственных строительно-монтажных организаций, предприятий стройиндустрии и промстройматериалов, системы подготовки и переподготовки кадров, системы проектно-изыскательских институтов, а также научного обеспечения развития водохозяйственного комплекса.

В условиях аридной зоны (орошаемое земледелие) ВХК может обеспечить наибольшую экономическую и социальную эффективность только в тесно взаимосвязанной деятельности всех звеньев производственной сферы, направленной на удовлетворение возрастающих требований водопотребителей и водопользователей. Несогласованность между ними приводит к диспропорции и длительному экономическому ущербу.

Основная задача науки и практики в реорганизации водного хозяйства — ликвидация сложившейся диспропорции между уровнем планового производства сельскохозяйственной продукции, наличием орошаемого земельного фонда и водными ресурсами. Сложившийся на начало XII пятилетки дефицит орошаемого земфонда к началу XIII пятилетки, даже с учетом ввода в XII пятилетке плановых площадей, еще более возрастет.

Все это, как никогда ранее остро, определяет актуальность комплексного научного обеспечения развития экономики республики на имеющихся водных ресурсах, разработки концепции ускорения развития водохозяйственного комплекса в целом и интенсификации его основных звеньев на базе научно-технического прогресса.

Комплексная программа развития экономики республики должна быть ориентирована на разработку фундаментальных и прикладных исследований, обеспечивающих максимальное развитие общественного производства при оптимальном расходовании водных ресурсов в промышленности, сельском, коммунально-бытовом, рыбном хозяйствах, гидроэнергетике и др., а также при всемерной защите водных ресурсов от всякого рода загрязнений.

На 5-й сессии Верховного Совета УзССР 11-го созыва (май 1987 г.) подчеркивалось: «Сельское хозяйство несет большие потери из-за безответственного отношения местных и водохозяйственных органов к развитию орошения. Нам нужно решительно отойти от стереотипного мышления, когда в республике длительное время расширение поливных площадей было главным в оценке работы хозяйственных органов. На сегодня выдвигается задача — всемерно усилить работы по мелиоративному улучшению земель, осуществить строительство дренажа, провести планировку полей и другие важные мероприятия...»³

Обеспечение динамического развития экономики республики водными ресурсами в перспективе будет неизбежно связано с фундаментальными исследованиями по проблемам:

— совершенствования технологии водопотребления отраслей народного хозяйства и водораспределения;

— использования сточных вод с очисткой и без очистки;

— внедрения водооборотных и безводных технологий;

— использования подземных вод;

— опреснения коллекторных и сбросных минерализованных вод; использования возвратных вод, особенно из скважин вертикального дренажа, в том числе разбавленных незасоленной или слабоминерализованной водой;

— искусственного стимулирования осадков;

— использования запасов воды снежников и ледников в пределах сохранения экологического равновесия;

— сокращения непродуктивных потерь воды на испарение;

— управления качеством водных ресурсов и т. д.

Сюда же следует отнести: исследования возможных климатических изменений в связи с потерей заградительных функций поверхности Аральского моря, которая в известной мере влияла на объем испарения и водооборота в регионе, а также направленность приноса влаги с европейской территории страны в зону формирования речных стоков; научное обоснование критериев обеспечения экологической безопасности Среднеазнатского региона в целом и его отдельных ирригационных районов.

Основными направлениями прикладных исследований необходимо определить:

— совершенствование и повышение технического уровня всех звеньев гидромелиоративной системы Узбекистана и других республик бассейна Аральского моря;

— разработку совершенных водосберегающих и ресурсосберегающих способов, технологий и техники полива, а также механизации и

³ Правда Востока. 1987. 23 мая.

автоматизации. В качестве критерия совершенства при этом должны быть определены удовлетворение физиологической потребности растений в воде под их запрограммированную урожайность и минимизация всех видов непродуктивных потерь;

— разработку принципиально новых водосберегающих методов и приемов рассоления трудномелиорируемых земель;

— разработку научно обоснованных агротехнических приемов оптимизации водно-солевого и тепло-воздушного обмена почвы и режима орошения;

— селекционирование засухо- и солеустойчивых сортов сельскохозяйственных культур;

— разработку организационно-технических, технологических и экономических мероприятий, направленных на разрешение важной проблемы — проведения работ по реконструкции гидромелиоративных систем староорошаемой зоны в период от завершения уборки урожая до нового сева;

— разработку комплексных агромелиоративных и агротехнических мероприятий, направленных на значительное повышение продуктивности оросительной воды;

— разработку водосберегающих систем и сантехоборудования, обеспечивающих экономию воды в коммунально-бытовом хозяйстве;

— разработку научно обоснованных рекомендаций по размещению на территории республики предприятий, главным образом с безводной технологией;

— разработку оценочных показателей продолжительности рассоления почвенных массивов ирригационных районов;

— разработку мероприятий по сохранению качества печной воды.

Реализация указанных и других направлений прикладных исследований должна обеспечить решение важной проблемы: высвобождение непродуктивно расходуемых водных ресурсов промышленностью, сельским, коммунально-бытовым хозяйством и прочими водопотребляющими отраслями. При этом теоретически возможный объем сэкономленных водных ресурсов в целом по бассейну Аральского моря от современного уровня, с учетом нетрадиционных источников, можно оценить в 20—24 км³, в том числе по Узбекистану 9—10 км³. Капитальные затраты на приращение годового стока на 1 м³ превысят 2,0 руб.

Значительный объем капитальных вложений, требующихся для реорганизации водного хозяйства, определяет необходимость специальных капиталов- и ресурсосберегающих исследований по их оптимизации, выбору очередности работ и оценке эффективности.

Итогом фундаментальных и прикладных исследований должно быть ускорение достижения рубежей, определенных XXVII съездом КПСС и XXI съездом Компартии Узбекистана, по развитию экономики республики на основе обеспечения эффективного функционирования водохозяйственного комплекса.

Проведенное нами исследование по оценке социально-экономических результатов реорганизации водного хозяйства в условиях развития народного хозяйства на имеющихся водных ресурсах позволяет сделать ряд важных выводов:

1. Теоретически возможный объем использования водных ресурсов может быть увеличен по сравнению с 1985 г. в целом по региону на 20—24 км³, в том числе в Узбекистане — 9—10 км³. За счет этого валовая продукция может возрасти:

а) в сельском хозяйстве — на 177% при увеличении водных ресурсов на 116%.

б) в промышленности — на 267% при увеличении водных ресурсов на 132%.

Суточная обеспеченность коммунально-бытовых нужд в расчете на 1 человека возрастет с 290 до 350 л/сут. и потребует дополнительной разведки запасов пресных подземных вод.

2. Развитие экономики республики на предельно высвобожденных водных ресурсах позволит создать до 1500 тыс. новых рабочих мест.

В целом реорганизация водного хозяйства может обеспечить трудоузанятость более 1800 тыс. человек. Однако это не устранит напряженности демографической обстановки в целом. Полное решение проблемы трудоузанятости и смягчения напряженности демографической обстановки в УзССР потребует увеличения водных ресурсов сверх предусмотренных генсхемами по крайней мере в 2—3 раза больше возможного.

Очевидно, проблему повышения водообеспеченности и эффективности использования имеющихся водных ресурсов в столь больших объемах следует рассматривать прежде всего с точки зрения ее реализуемости: технической возможности, экономической эффективности и др.

Каковы возможные на современном этапе нестандартные направления поисков и разработок для повышения водообеспеченности, ее источники и объемы?

Не задаваясь целью детального исследования, мы провели пока ориентировочные их оценки. Это — комплексные исследования мероприятий по снижению оросительных норм, внедрению менее влагоемких сортов хлопчатника и других культур, применению совершенных систем со средствами автоматизации, внедрению совершенной техники и технологии полива, управления водно-солевым режимом в программе урожая, переустройству всех староорошаемых земель до самого высокого технического уровня, включая закрытые трубчатые системы.

Вполне вероятно использование определенного объема некачественных, в настоящее время не используемых, водных ресурсов, направляемых на водоотведение: опреснение для промышленных и питьевых целей; разработка специальной технологии, схем орошаемого поля, режима орошения водой повышенной минерализации (3—5 г/л); управляемое в маловодные годы таяние снежников и ледников; стимулирование искусственных осадков. Теоретически возможно и сокращение потерь на испарение с поверхности водохранилищ.

Таким образом, в результате реализации этих пока проблематичных мероприятий возможно определенное увеличение водных ресурсов в Узбекской ССР. Естественно, что реализация рассмотренных направлений повышения водообеспеченности потребует значительных капитальных вложений и в связи с этим проведения глубоких комплексных экономических, технологических, технических, экологических и социальных исследований для установления конкретных объемов и очередности их выполнения.

Однако априорно можно определить, что удельная стоимость 1 км³ водных ресурсов значительно возрастет, а проблема трудоузанятости не получит полного решения.

Можно оптимистично предположить, что в перспективе в отраслях народного хозяйства наряду с указанными направлениями будут внедрены и другие наиболее эффективные результаты фундаментальных и прикладных исследований, а также организовано региональное пере-

распределение части трудовых ресурсов в пределах Средней Азии, оптимизирована структура отраслей народного хозяйства, что также может несколько сократить потребность в воде, но и при этом актуальность проблемы водных ресурсов останется острой.

Для смягчения напряженности сложившейся водохозяйственной и демографической обстановки и обеспечения динамичного развития водопотребляющих отраслей народного хозяйства на имеющихся водных ресурсах институтам Академии наук УзССР совместно с Госпланом, Госагропромом республики и САО ВАСХНИЛ необходимо ускоренно разработать, с использованием методов математического моделирования, координационную программу развития всего водохозяйственного комплекса, направленную на обеспечение поэтапного достижения целей повышения КПД гидромелиоративных систем, сокращения дефицита орошаемого земфонда и выполнения плановых объемов производства сельхозпродукции в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Надо предусмотреть в планах НИР на перспективу исследования в соответствии с проблемными направлениями программы «Реорганизация водного хозяйства для ускорения развития экономики Узбекистана на имеющихся водных ресурсах» с включением ГКНТ СССР этой программы, наряду с аналогичными программами для остальных республик региона, в государственный план НИР страны.

В условиях переориентации развития экономики республики на имеющиеся водные ресурсы Минводхозу СССР необходимо до 1988 г. пересмотреть схемы комплексного использования водных ресурсов бассейнов Сырдарьи и Амударьи с учетом положений, определенных постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии производительных сил ККАССР и о прекращении работ по переброске части стока сибирских рек. Кроме того, учитывая, что смягчение напряженности водохозяйственной и экологической обстановки не может быть решено только одной республикой, институтам Минводхоза СССР надо разработать региональную комплексную целевую программу обеспечения экологической безопасности, улучшения меллиоративного состояния земель, нормализации водопользования, улучшения технического состояния гидромелиоративных систем республик Средней Азии и снижения негативных последствий антропогенного опустынивания Приаралья.

Неотложной задачей науки и практики должно быть определено решение проблемы ускорения строительства, реконструкции и приведения в рабочее состояние в XII пятилетке всех важнейших водоотводящих трактов и коллекторов среднего и нижнего течения Амударьи в увязке с рациональным использованием вторичных водных ресурсов, а также расширения орошаемого земфонда в XII—XIII пятилетках, главным образом за счет освоения переложных земель (внутрихозяйственные приросты) с одновременной реконструкцией гидромелиоративных систем хозяйств и массивов орошения в целом.

Критерием оптимальности реконструкции гидромелиоративных систем должны быть:

- исключение возможного соленакопления и вторичного засоления почвенных массивов;
- обеспечение надежного отвода с орошаемых массивов расчетного объема коллекторно-дренажного стока;
- сокращение удельной протяженности оросительной сети до рациональных размеров — 26—32 м/га и менее;
- доведение удельной протяженности коллекторно-дренажной

сети до расчетно-необходимых при орошении водой повышенной минерализации (3—5 г/л);

— максимальное сокращение на массивах орошения количества водозаборных сооружений и установок машинного водоподъема;

— предельно возможное освоение перелогов и сокращение непродуктивных потерь на испарение с неорошаемых площадей;

— телеавтоматизация водораспределения и проведения поливов на уровне хозяйств и массивах в целом;

— повышение надежности функционирования гидромелиоративных систем и механизация затрат на их эксплуатацию.

От реализации этих требований зависит не только повышение плодородия земель, но и возможность использования более 10 км³ возвратного стока. Выполнение этих задач потребует переориентации капитальных вложений, своевременной передислокации и наращивания мощностей производственной сферы водохозяйственного комплекса в районы среднего и нижнего течения Амударьи.

Важнейшей задачей науки следует считать комплексные исследования проблем, связанных с разработкой безотходной системы использования водных ресурсов — вовлечения в сферу производства объемов некачественных сбросных вод, нетрадиционных источников (осадки, ледники, снежники и др.).

Необходимо ускорить разработку рекомендаций и оценку экологических последствий усыхания Аральского моря, их влияния на климатические и другие изменения, формирование стока рек.

В рамках программы реорганизации водного хозяйства, наряду с реконструкцией гидромелиоративных систем, особое внимание следует уделить ускорению фундаментальных и прикладных исследований широкого спектра, обеспечивающих внедрение в XII—XIII пятилетках эффективных способов и технологий полива уменьшенными оросительными нормами с учетом орошения водой повышенной минерализации.

В условиях возрастающей напряженности водохозяйственной обстановки академическим и отраслевым институтам целесообразно ускоренно разработать трехвариантную систему оптимального производства продукции сельского хозяйства в зависимости от водности года (50, 75, 90% обеспеченности стока) с оценкой ущербов в годы, выходящие за пределы расчетной обеспеченности.

Необходимо отметить и отсутствие научного обоснования эффективной регламентации распределения водных ресурсов между отраслями народного хозяйства по приоритетным региональным критериям — максимальной трудозанятости населения, увеличению производства хлопка, а также продовольственных видов сельскохозяйственной продукции.

Серьезного внимания на современном уровне требует вопрос обеспечения республики научными кадрами высшей квалификации водохозяйственного профиля и координации деятельности имеющихся кадров для выполнения возрастающих объемов научных исследований.

Существенный вклад в ускорение развития ВХК республики могло бы внести специальное периодическое издание АН УзССР, которое широко и систематически освещало бы достижения НТП, новейшие и зарубежные разработки и передовой опыт эффективного использования водных ресурсов.

Интегрирование результатов наших исследований по реорганизации водного хозяйства, а также оценке водохозяйственной и демографической обстановки позволяет заключить, что:

— имеющиеся водные ресурсы при значительных материальных за-

тратах и напряженности могут обеспечить возможность социально-экономического развития республики только в среднесрочной перспективе;

— затраты капитальных вложений на реализацию водоохраных и водосберегающих мероприятий, предусмотренных схемами комплексного использования водных ресурсов рек бассейна Аральского моря, оцениваются в несколько десятков миллиардов рублей;

— в перспективе потребуются принципиально новые разработки развития производительных сил и производственных отношений, максимизации функционирования всех звеньев водохозяйственного комплекса, поиска эффективного хозяйственного механизма в ускорении социально-экономического развития всего Среднеазиатского региона.

Вполне возможно, что в дальнейшем потребуются также рассмотрение, уточнение и правовое решение проблемы межреспубликанского перераспределения в общегосударственных интересах не только водных, но и земельных, трудовых и других ресурсов;

— стратегия концепции комплексной программы развития экономики республики и региона в целом должна быть ориентирована на сохранение хлопковой независимости не только СССР, но и стран СЭВ, а также обеспечение других экспортных поставок хлопка;

— ГКНТ СССР целесообразно включить программу «Реорганизация водного хозяйства для ускорения развития экономики Узбекистана на имеющихся водных ресурсах» в государственный план НИР СССР на XII—XIV пятилетки (с аналогичными программами для остальных республик региона);

— учитывая, что в рассматриваемой перспективе вполне вероятно совмещение расхода капвложений на решение проблемы повышения водообеспеченности в пределах имеющихся водных ресурсов с межрегиональным их пополнением, целесообразно рассмотреть и определить сроки завершения соответствующих НИР и проектных работ, как это и предусмотрено упомянутым выше постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, требующим «продолжить изучение научных проблем, связанных с региональным перераспределением водных ресурсов...»⁴

---

⁴ См.: Правда. 1986. 20 авг.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ НАКАЗАНИЙ ПРИ
ПРИМЕНЕНИИ ЗАКОНОВ ОБ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ
С НЕТРУДОВЫМИ ДОХОДАМИ

XXVII съезд КПСС уделил особое внимание вопросам дальнейшего укрепления социалистической законности, совершенствования мер борьбы с преступностью, в частности с хищениями государственного и общественного имущества, должностными и хозяйственными преступлениями. Было признано необходимым «уже в ближайшее время осуществить дополнительные меры, направленные против туеядцев, расхитителей социалистической собственности, взяточников, против тех, кто встал на путь, чуждый трудовой природе нашего строя»¹.

Реализация этих задач требует дальнейшего совершенствования действующего законодательства, точного и неуклонного применения его на практике. Правовые нормы должны соответствовать требованиям времени, вооружая органы, их применяющие, эффективным арсеналом средств борьбы с правонарушениями. М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК XXVII съезду партии подчеркивал: «Наше законодательство — гражданское и трудовое, финансовое и административное, хозяйственное и уголовное — должно еще активнее помогать внедрению экономических методов управления, действенному контролю за мерой труда и потребления, проведению в жизнь принципов социальной справедливости»².

В свете решений партийного съезда были приняты постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами»³, постановление Совета Министров СССР по этому вопросу⁴, а также Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1986 г. «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов»⁵. В соответствии с этими общесоюзными актами Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР от 26 июня 1986 г. внесены изменения и дополнения в законодательные акты Узбекской ССР, в частности в уголовное законодательство. Цель этих правовых новелл — повышение эффективности уголовно-правовых мер в борьбе с противоправными деяниями, направленными на извлечение нетрудовых доходов.

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» прямо указывается на необходимость «поставить дело так, чтобы взяточники, казнокрады, мздоимцы, несунуны и другие любители наживы за счет общества были окружены всеобщим презрением, знали о неотвратимости наказания за свои деяния».

К числу уголовных наказаний, которые применяются к лицам, совершившим такие корыстные преступления, как хищение государственного или общественного имущества, должностные и хозяйственные преступления, относится, в частности, конфискация имущества. Эта мера, применяемая в качестве дополнительного наказания, служит эффективным средством борьбы с перечисленными и другими корыстными преступлениями. Данный вид наказания, причиняя материальный ущерб осужденному и тем самым оказывая на него карательное воздействие, лишает его и членов семьи возможности пользоваться плодами преступной деятельности и уже этим достигает общепреventивных целей. Однако цели этого наказания могут быть достигнуты при условии точного соблюдения норм закона, регламентирующих его применение.

По ст. 30 Основ уголовного законодательства (ст. 34 УК УзССР), конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества, находящегося в личной собственности осужденного. Полная или частичная конфискация имущества в соответствии со ст. 21 Основ уго-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 47.

² Там же. С. 61.

³ Известия. 1986. 28 мая.

⁴ Там же.

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. № 22 (2356). 1986. 28 мая. С. 364.

ловного законодательства (ст. 21 УК УзССР) — самый тяжкий из предусмотренных законом видов дополнительных наказаний; она может быть применена только в том случае, если конфискация предусмотрена санкцией той статьи Особенной части УК, по которой лицо привлечено к ответственности.

Конфискация имущества во всех случаях представляет собой принудительную меру, связанную с безвозмездным изъятием в собственность государства всего или части имущества, являющегося личной собственностью виновного. В этом — суть самой конфискации и на этом основании дается ее общее (родовое) определение, вытекающее из ст. 30 Основ уголовного законодательства. Вместе с тем, как это прямо вытекает из закона, следует различать полную конфискацию и частичную конфискацию, когда у осужденного изымается лишь часть имущества (с обязательным указанием в приговоре доли изымаемого имущества).

Изучение судебной практики показывает, что суды в каждом конкретном случае стремятся к выбору оптимального объема дополнительного наказания, с учетом имущественного положения осужденного и его семьи, размера и характера причиненного ущерба, обстоятельств, характеризующих личность осужденного. При этом имеется в виду не только личная собственность осужденного, но и его доля в общей собственности, на что специально обращено внимание в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1953 г. (в редакции постановления его от 29 августа 1986 г.)⁶.

Если конфискация имущества практически не может быть исполнена, суд не вправе заменить ее другим наказанием или обязать осужденного внести вместо этого равноценную денежную компенсацию, иначе говоря, заменить ее штрафом. На практике встречаются случаи, когда после вынесения приговора у подсудимого не оказывается имущества, подлежащего конфискации, либо обнаруживается и конфискуется только часть такого имущества, а после исполнения приговора обнаруживается неконфискованное имущество, приобретенное осужденным до вынесения приговора или хотя бы и после этого, но на средства, подлежащие конфискации. Пленум Верховного Суда СССР в связи с этим в п. 7 постановления от 14 марта 1963 г. (в редакции постановления от 29 августа 1980 г.) разъяснил, что суд, вынесший приговор, или суд по месту исполнения последнего в таких случаях выносит по представлению прокурора определение об обращении конфискации на обнаруженное имущество, если последнее может быть конфисковано по закону. По ст. 46 УК УзССР и соответствующим статьям УК других союзных республик, приговор в части конфискации имущества может быть исполнен в пределах срока действия исполнения обвинительного приговора. Поскольку в указанной норме отсутствует указание на срок давности исполнения приговора о конфискации имущества, эта мера наказания может быть приведена в исполнение в пределах срока исполнения основной меры, к которой приговорен осужденный.

Обеспечение реального исполнения приговора о конфискации имущества — важнейшая гарантия эффективности этой меры наказания, ее общепреventивного воздействия.

Отмеченное деление конфискации имущества на полную или частичную учитывает лишь один материальный критерий — размер, объем конфискуемого имущества. Однако действующему законодательству известно и деление конфискации на общую и специальную.

В Уголовном кодексе Узбекской ССР, как и в УК других республик, содержится значительное число норм, санкций, в которых прямо говорится об обращении в доход государства определенного имущества (определенных предметов). В одних статьях предусмотрена возможность обращения в доход государства «незаконно добытого» (ст.ст. 184 ч. 2, 185 ч. 2 УК УзССР); другие — указывают на возможность конфискации орудий и средств совершения преступления (см., в частности, ст.ст. 74, 180, 184 ч. 1, 185 ч. 1, 191², 221 УК УзССР). В некоторых статьях УК называются конкретные предметы, подлежащие конфискации. Так, в ст. 74 УК УзССР речь идет о конфискации воздушного судна, в ч. 2 ст. 180 УК УзССР — о конфискации автомашины.

Во всех санкциях такого рода речь идет о так называемой специальной конфискации, которая может сочетаться с общей конфискацией имущества. Специальная конфискация назначается не в качестве дополнительного наказания, а по существу является мерой процессуального характера, предусмотренной нормами уголовно-процессуального законодательства союзных республик. Так, в п. 1 ст. 62 УПК УзССР прямо говорится о том, что орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, уничтожаются или конфискуются. Следует отметить, что уничтожение этих предметов также предполагает их конфискацию. Согласно п. 4 этой статьи, деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, по приговору суда подлежат обращению в доход государства. Вещи, запрещенные к обращению, согласно п. 2 ст. 62

⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 5. С. 19.

УПК УзССР, передаются в соответствующие предприятия, учреждения, организации или уничтожаются.

По существу нормы УК, в которых речь идет о специальной конфискации, конкретизируют процессуальную норму, содержащуюся в ст. 62 УПК УзССР. Так, санкция ч. 1 ст. 184 УК УзССР, предусматривающая ответственность за незаконную охоту, содержит указание на конфискацию «орудий охоты и личных транспортных средств, использованных для незаконной охоты... с изъятием незаконно добытого». Аналогично решен этот вопрос и в санкции ч. 1 ст. 185 УК, предусматривающей ответственность за незаконное занятие рыбным или другим водным добывающим промыслом, где говорится о конфискации орудий лова, личных плавучих и иных транспортных средств, использованных для совершения преступления, с изъятием незаконно добытого. В санкции ч. 1 ст. 179 УК УзССР, предусматривающей ответственность за занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности, говорится о конфискации изготовленной продукции, орудий производства и сырья. По существу во всех этих нормах речь идет о конкретных видах орудий преступления и о предметах, добытых преступным путем. Следует отметить, что к числу орудий преступления в ряде случаев судебная практика совершенно справедливо относит и предметы преступления. В частности, к орудиям преступления в этом смысле в третьей редакции п. «а» ст. 175 УК УзССР прямо были отнесены «предметы спекуляции»⁷, которые подлежали обращению в доход государства.

Если определение правовой природы общей конфискации имущества особых трудностей не вызывает, поскольку речь здесь идет об изъятии имущества, обладание которым непосредственно не связано с совершением преступления, то природа специальной конфискации иная, и ее определение — куда более сложный вопрос теории и практики применения уголовного и уголовно-процессуального закона. Не случайно в течение многих лет среди научных работников продолжается дискуссия по поводу правовой природы именно специальной конфискации.

Эта дискуссия порождается сложной юридической природой специальной конфискации, которая регулируется нормами различных отраслей права, прежде всего уголовного и уголовно-процессуального. Одни ученые считают специальную конфискацию разновидностью конфискации как дополнительной меры уголовного наказания. К этой позиции в основном примыкает точка зрения тех авторов, которые считают специальную конфискацию дополнительным наказанием и предлагают применять ее на основе общих принципов индивидуализации наказания⁸.

Иначе решает этот вопрос другая группа ученых, считая, что специальная конфискация не может быть мерой уголовного наказания и по своей природе составляет институт уголовно-процессуального права⁹.

Особой точки зрения придерживается Н. А. Стручков, который считает, что если специальная конфискация имущества осуществляется в порядке применения уголовно-процессуальных норм, то она не относится к наказанию; если же она реализуется на основе санкций норм Особенной части уголовного законодательства, то она представляет собой наказание¹⁰. Аналогично решают этот вопрос Л. И. Моргунова и другие авторы. На первый взгляд, такая точка зрения весьма убедительна и может показаться предпочтительной. Суть ее состоит в том, что специальная конфискация имущества может быть признана мерой дополнительного наказания при наличии двух условий: во-первых, если подлежащие конфискации предметы приобретены правомерным путем и принадлежат осужденному на праве личной собственности; во-вторых, — если специальная конфискация действительно ограничивает имущественные права осужденного. Однако из этих рассуждений еще не вытекает категоричный вывод о том, что специальная конфискация — «понятие исключительно уго-

⁷ В редакции Указа Президиума Верховного Совета Узбекской ССР от 31 декабря 1982 г. п. «а» ст. 175 УК УзССР факультативно предусматривает конфискацию имущества и не предусматривает конфискацию предметов спекуляции.

⁸ См., напр.: Давяев В. Г. Деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, в качестве вещественного доказательства//Вестник ЛГУ. № 23: Экономика, философия, право. Л., 1975. Вып. 4. С. 125.

⁹ См.: Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1976. С. 120; Михайлянец А. Г. Конфискация имущества — дополнительная мера уголовного наказания//Проблемы судебной экспертизы, уголовного права и процесса. Ташкент, 1968. Вып. 7. С. 155—157; Курс советского уголовного права. Часть Общая. Ч. 2. Л., 1970. С. 308. (Шаргородский М. Д.); Гальперин И. М., Мельникова Ю. Б. Дополнительные наказания. М., 1981. С. 57; Михлин А. С. Имущественные наказания — альтернатива лишению свободы за менее опасные преступления//Советское государство и право. 1981. № 6. С. 97.

¹⁰ См.: Стручкова Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 249.

ловно-правовое и должно применяться только тогда, когда речь идет о конфискации как мере уголовного наказания»¹¹.

Более того, представляется предпочтительной точка зрения тех авторов, которые считают, что специальная конфискация имущества не должна признаваться наказанием и в тех случаях, когда она предусмотрена санкциями статей УК как дополнительное наказание¹². Если признать обратное, то на специальную конфискацию придется распространять требования ст. 34 УК УзССР и, следовательно, она может быть применена только в случаях, указанных в законе. Если же согласиться с этим, то надо будет признать, что по делам о преступлениях, где в санкциях специальная конфискация не указана, изъятие орудий и предметов преступлений недопустимо. Тогда надо будет признать невозможность изъятия всех ныне конфискуемых предметов в случаях, например, подделки денежных знаков, хранения огнестрельного и холодного оружия и т. д. Тем более станет невозможным изъятие всех этих предметов в случаях прекращения производства по делу по различным основаниям, с чем, конечно, согласиться нельзя.

Наконец, как уже отмечалось, конфискации подлежат лишь те предметы, которые были личной собственностью осужденного, тогда как на практике нередко конфискуются те предметы преступления, которые не были личной собственностью преступника, перешли к нему именно в результате совершенного преступления и являются вещественными доказательствами по делу.

Предпринятый в науке уголовного и уголовно-процессуального права анализ выявляет конкуренцию рассматриваемых норм уголовного и уголовно-процессуального права¹³, которая должна быть решена именно в пользу уголовно-процессуальной нормы, на что справедливо указывает ряд авторов¹⁴.

Заслуживает внимания вопрос о целесообразности указания в нормах УК на специальную конфискацию орудий преступления или иных предметов. Разумеется, отсутствие соответствующего указания в санкции статьи Особенной части не исключает возможности ее применения в соответствии со ст. 62 УПК УзССР.

Вместе с тем в ряде случаев указание в санкции статьи Особенной части УК следует признать целесообразным. Речь идет о случаях, когда законодатель ограничивает применение специальной конфискации определенными условиями. Так, указание в ч. 2 ст. 180 УК УзССР, предусматривающей ответственность за незаконную перевозку пассажиров и грузов, на конфискацию автомашины имеет своей целью подчеркнуть недопустимость применения этой меры по ч. 1 ст. 180 УК УзССР. Перечисление предметов, подлежащих конфискации, целесообразно и в ст.ст. 179, 184, 185 УК УзССР, ибо в них речь идет о, так сказать, нетрадиционных случаях преступления.

Все это позволяет сделать вывод о том, что предметы, перечисленные в ст. 62 УПК УзССР и соответствующих статьях УК других союзных республик, подлежат конфискации, независимо от того, содержится ли на этот счет специальное указание в санкции статьи Особенной части УК. Однако в ряде случаев наличие таких указаний следует признать целесообразным. Тем не менее и в тех случаях, когда такое упоминание в санкции статьи содержится, эта мера не превращается в уголовное наказание и не теряет своего процессуального характера.

Анализ уголовно-процессуального законодательства союзных республик, регулирующего изъятие отдельных предметов, позволяет сделать вывод о наличии при этом неоправданных различий в содержании соответствующих норм. Так, ряд УПК, допуская изъятие денег и ценностей, приобретенных преступным путем, только по приговору суда, не решают вопроса о судьбе этих ценностей в случаях прекращения уголовного дела (ст.ст. 86 УПК РСФСР, 77 УПК ГрузССР). УПК Латвийской и Эстонской ССР в этих случаях разрешают передавать деньги и ценности в доход государства даже тогда, когда вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В УПК УССР, БССР и некоторых других союзных республик деньги, ценности и вещи, приобретенные преступным путем, обращаются в доход государства и при прекращении дела по постановлению прокурора, следователя и иных лиц, проводящих дознание. Что же касается УПК Казахской и Узбекской ССР, то в них этот вопрос вообще не урегулирован.

¹¹ Марогулова Л. И. Конфискация имущества как мера наказания по советскому уголовному праву: Автореф. канд. дис. Ташкент, 1979. С. 9.

¹² См.: Зякутский С. Г., Ахмедов Б. А. Некоторые вопросы применения наказания по Уголовному кодексу Узбекской ССР//Проблемы Советского государства и права. Ташкент, 1970. Вып. 352. С. 77; Курс советского уголовного права (Часть Общая). Л., 1970. Т. 2. С. 308.

¹³ См.: Малков В. П. Конкуренция уголовно-правовых норм и ее преодоление//Советское государство и право. 1976. № 3. С. 61.

¹⁴ См.: Михлин А. С. Имущественное наказание — альтернатива лишения свободы//Советское государство и право. 1981. № 6. С. 9.

В этой связи заслуживает внимания высказываемое практически и научными работниками предложение о том, чтобы в случаях прекращения уголовного дела, вынесения постановления об отказе в его возбуждении вопрос об изъятии денег и ценностей, приобретенных преступным путем, решался в порядке гражданского судопроизводства¹⁵.

Очевидно, такой же порядок должен быть предусмотрен и в случаях применения актов амнистии и помилования (если в них не оговорено иное), а также в случае смерти виновного.

Как уже отмечалось, неременное условие конфискации имущества как вида дополнительного уголовного наказания — принадлежность конфискуемого осужденному, причем в отличие от случаев применения специальной конфискации оно не всегда и вовсе не обязательно добыто преступным путем. Игнорирование этого положения зачастую ведет к ошибкам в судебной практике, что особенно заметно в практике назначения наказания по делам спекуляции¹⁶.

Следует, в частности, иметь в виду, что предметы спекуляции, находящиеся у покупателей, за исключением вещей, изъятых из обращения, конфискации не подлежат, на что прямо указано в соответствующих разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда УзССР о судебной практике по делам о спекуляции. Это касается и возможности изъятия и конфискации предметов спекуляции в качестве вещественных доказательств. В такой ситуации конфискации подлежат вырученные виновным от перепродажи деньги как неосновательное обогащение. Так, П. купила в магазине палас стоимостью 300 руб., который здесь же перепродала К. за 400 руб. П. была осуждена по ч. 1 ст. 154 УК РСФСР с конфискацией вырученных от спекуляции денег и паласа как вещественного доказательства. Отметив, что покупатель, уплативший за палас, является его законным владельцем, Верховный Суд РСФСР исключил конфискацию из приговора и напомнил в определении, что, согласно п. 4 ст. 86 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик, вещь, находящаяся у законного владельца, не может быть конфискована¹⁷.

Отмечая различные юридические основания применения конфискации имущества как вида наказания и специальной конфискации, следует сказать и о том, что применение последней может сочетаться с любым видом наказания. Что касается конфискации имущества как вида наказания, то она, в соответствии с законом (ст. 43 УК УзССР), не может иметь места при назначении основного наказания в виде уголовного осуждения.

В современных условиях дополнительное наказание в виде конфискации имущества остается весьма действенным и эффективным в отношении лиц, совершающих такие преступления, как спекуляция, хищения в крупных и особо крупных размерах, взяточничество и т. п. Уровень имущественного положения таких лиц часто намного превышает их официальные трудовые доходы; жажда наживы становится основным стимулом их жизненной активности и, помимо всего прочего, неприменение этой меры к таким лицам ведет к неблагоприятным изменениям в общественном сознании. Неприменение конфискации к осужденным за тяжкие корыстные преступления позволяет виновному и членам его семьи в ряде случаев пользоваться плодами преступления, а у окружающих нередко создаются неверные представления по этому вопросу, что снижает общепреventивное значение наказания. Не случайно в ряде постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и УзССР о судебной практике по различным категориям дел содержится указание на то, что суды должны шире применять эту меру наказания, когда она предусмотрена в санкции статьи УК.

Вместе с тем сказанное не исключает, разумеется, строгой индивидуализации наказания при применении конфискации имущества. Суды в каждом отдельном случае должны обсуждать целесообразность применения данной меры, когда она предусмотрена в санкции статьи УК альтернативно. Если же назначение конфискации имущества по закону является обязательным, суд, как это разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 августа 1980 г., вправе не применить это дополнительное наказание лишь при наличии условий, предусмотренных в ст. 42 УК УзССР и соответствующих статьях УК других союзных республик, с обязательным приведением в приговоре мотивов принятого решения и ссылкой на указанную статью закона.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в ст. 42 УК УзССР и соответствующих статьях УК других союзных республик речь идет о назначении наказания ниже низшего предела, предусмотренного законом за данное преступление, либо о переходе к другому более мягкому виду наказания, но не о неприменении меры наказания, предусмотренной в санкции соответствующей статьи Особенной части УК.

¹⁵ См.: Марогулова Л. И. Указ. автореф. С. 10.

¹⁶ См.: Вольфман Г. И. Квалификация преступлений против советской торговли. Саратов, 1977. С. 138—139.

¹⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1980. № 1. С. 6.

В связи с этим было бы целесообразно дополнить ст. 42 УК УзССР и соответствующие статьи УК других союзных республик указанием на право суда, при наличии предусмотренных в ней условий, не применять наказание, предусмотренное в законе. Кроме того, в целях дальнейшего повышения эффективности конфискации имущества, совершенствования ее законодательной регламентации и практики применения представляется целесообразным внести в соответствующие статьи УПК союзных республик дополнения, предусматривающие конфискацию не только орудий, но и средств преступления.

Заслуживает внимания и редакционная, точнее — терминологическая сторона дела. Речь идет о том, что понятия «нажитое» и «добытое» лишь частично совпадают и, видимо, более удачным было бы в этих случаях указание на «конфискацию имущества, приобретенного преступным путем».

Более четкая регламентация порядка исполнения конфискации имущества, полное и своевременное исполнение приговора в данной части — важное средство повышения эффективности этой дополнительной меры наказания.

А. Г. Каграманов

К КРИТИКЕ КОНЦЕПЦИЙ БУРЖУАЗНЫХ «СОВЕТОЛОГОВ»-ИСЛАМОВЕДОВ

Как известно, в последнее время резко возрос интерес к «исламскому» фактору у идеологов антикоммунизма, спецслужб США и других империалистических держав, всячески стремящихся использовать его в антисоветских целях. Не случайно положение мусульман в СССР стало одной из излюбленных тем буржуазной «советологии». Без «исламской тематики» не обходится ни одна работа буржуазных авторов по республикам Советского Востока, будь то исследование по экономике, демографии, истории, культуре и т. д. Во всех их опусах так или иначе проводится тезис о «притеснении» мусульман в СССР, о «непримиримом конфликте» на религиозной почве, якобы существующем в советском обществе.

Эти инсинуации нацелены не только на СССР. Империализму крайне невыгодны отношения дружбы и сотрудничества, сложившиеся между развивающимися странами и миром социализма. С помощью мифов об «антиисламской политике» КПСС и Советского государства буржуазные идеологи пытаются породить антисоветские и антикоммунистические настроения у общественности мусульманских стран, изолировать развивающиеся государства от мировой социалистической системы — их естественного союзника в борьбе против империализма и его агрессивной неоколониалистской политики.

Фальсификация политики Советского государства в отношении ислама — основное направление работ буржуазных «советологов»-исламоведов. При этом понятие «мусульманские народы» трактуется «советологами» весьма своеобразно. Так, А. Беннигсен и С. Э. Уимбуш пишут: «Термин «мусульмане», как он сейчас применяется советскими властями (подчеркнуто нами. — *К. Ш.*), относится к различным народам, которые до 1917 г. принадлежали к исламскому вероисповеданию»¹.

Прежде всего отметим, что ни в одном официальном документе, ни в одной книге или статье советских авторов этот термин в таком значении не применяется. Народы Советского Востока — равноправные социалистические нации в составе советского народа. Классификация наций по их прошлому вероисповеданию противоречит духу и букве Конституции СССР, провозглашающей, во-первых, равенство всех граждан независимо от их национальной принадлежности, во-вторых, отделение церкви от государства. Религия в СССР рассматривается как частное дело граждан, не имеющее никакого отношения к государству; религиозная принадлежность не отражается ни в каких документах и не учитывается в переписях населения.

Цитированное определение, таким образом, всецело принадлежит буржуазной «советологии». Более того, в нем нет элементарной логики: как можно называть «мусульманскими» те народы, которые «до 1917 г. принадлежали к исламскому вероисповеданию» и, следовательно, сейчас к нему не принадлежат? Наконец, в социалистическом обществе религия перестает быть одним из ведущих компонентов общественного сознания и этнического облика, происходит секуляризация общественной жизни, а потому отнесение целых наций и народностей к «мусульманским», «христианским», «буддистским» и т. д. лишается всякого смысла. А именно на этой подмене, на подведении национальной принадлежности под религиозную построены концепции «советологов»-исламоведов. Сами западные авторы подчас отмечают, что в исследованиях «советологов» вопросы религии и атеизма подменяются рассуждениями, «при-

¹ Bennigsen A., Wimbush S. Muslim religious Dissent in the USSR// Marxism and Religion in the Eastern Europe. Dodrecht—Boston. 1974. P. 133.

званными проиллюстрировать угнетательский характер, приписываемый политической системе, при которой народы Средней Азии живут в настоящее время»².

Факты, свидетельствующие о полной свободе совести в СССР, о беспрепятственной деятельности мусульманских религиозных организаций, отсутствии каких-либо дискриминационных положений, направленных против верующих, хорошо известны, в том числе на Западе. Достаточно сослаться на книгу бывшего председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана³, на материалы журнала «Мусульмане Советского Востока», издающегося на четырех иностранных языках, на многочисленные свидетельства зарубежных гостей Советского Союза⁴. И эти очевидные факты западные фальсификаторы просто не могут игнорировать. Им приходится поэтому идти по другому пути — давать этим фактам ложное истолкование, разрабатывать многочисленные «концепции», призванные вопреки объективной реальности изобразить Советский Союз «врагом» ислама и мусульман. В этом направлении зарубежные «советологи» работают весьма активно. Только за 80-е годы на Западе, по далеко не полным подсчетам, появилось более ста книг и пространных статей, содержание которых с предельной ясностью выражено в заглавиях двух наиболее капитальных «трудов» по этой теме — «Исламская угроза Советскому государству» А. Беннигсена и М. Брокса и «Мусульманский вызов Москве» М. Рывкина.

В стремлении любым путем опорочить политику свободы совести в СССР и представить религию как силу, потенциально опасную для социалистического общества, иные авторы заходят настолько далеко, что их коллеги на Западе считают нужным отмежеваться от подобных оценок. Вот характерный пример: У. Флетчер, отвергая оценку советских авторов, согласно которой верующие среди ранее исповедовавших ислам народов СССР составляют 27,5%, приводит свою «минимальную оценку» — 60%⁵. Это заявление вызвало скептическое отношение Д. Поспеловского, отметившего «расхождение между аналитической частью книги и громоподобными комментариями и заключениями автора»⁶ и произвольность его оценок. Однако и эта цифра оказалась недостаточной А. Беннигсену, оценившему число верующих на Советском Востоке в 80% со ссылкой на некие «советские источники», которые он, разумеется, не счел нужным указать⁷.

В работах «советологов»-исламоведов утверждается, якобы имеющихся в СССР мечетей недостаточно для верующих. По данным А. Беннигсена, в Советском Союзе действует всего 300 мечетей⁸, хотя ранее он же приводил цифру 500⁹, причем в первом случае число служителей в мечетях было указано 5 тыс., а во втором — «менее тысячи». На самом деле в нашей стране действует 1330 мечетей¹⁰, в том числе 69, открытых в 1977—1983 гг.¹¹

Много это или мало? При ответе на этот вопрос «советологи» прибегают к прямой подтасовке данных, сравнивая число мечетей в отдельных городах с их населением (Ташкент — 11 мечетей и 2 млн. человек, Самарканд — две и 350 тыс., Душанбе — пять тыс. человек)¹². При этом игнорируются два важных факта. Во-первых, во всех этих городах высок процент европейского населения. Во-вторых, снижение религиозности, а следовательно, и посещения мечетей, наиболее выражено именно в крупных городах¹³. Кроме того, фальсификаторы оставляют в стороне коренные различие функций мечети в социалистическом государстве и в развивающихся странах, на общественное мнение которых они пытаются произвести впечатление своими сравнениями. В городах и селах Азии и Африки мечеть — это часто и клуб, и центр торговли, и школа, и резиденция административных органов. В СССР эти функции перешли к государственным и общественным учреждениям, а мечети остались только местом

² Scott K. Soviet Central Asia: a Religious Limbo//Religions and Societies: Asia and the Middle East. Berlin etc., 1981. P. 234.

³ Babakhan Z. Islam and Muslims in the Land of Soviets. Moscow, 1982.

⁴ Mehta D. S. USSR through Indian eyes. Moscow, 1984. P. 86—94; Allegue H. Red star and green crescent. Moscow, 1984.

⁵ Fletcher W. Soviet believers: the religious sector of the population. Laurence, 1981. P. 70, 210.

⁶ Russian Review. 1982. V. 41. N 4. P. 510.

⁷ Bennigsen A. Les Musulmans de l'URSS et la crise afghane//Afrique et l'Asie Moderne. 1979. No 120. P. 7.

⁸ Bennigsen A. Les Musulmans en Union Soviétique//Politique étrangère. 1980. No 1. P. 18.

⁹ Bennigsen A., Wimbush S. Op. cit. P. 135.

¹⁰ Вагабов М. В. Ислам и семья. М., 1983. С. 124.

¹¹ Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М., 1984. С. 108. Кроме того, по данным И. Беляева, в стране действует более 1800 так называемых «параллельных» мечетей (Лит. газета. 1987. 20 мая).

¹² After Afghanistan: USSR's Islamic cover-up//Soviet Analyst. 1980. V. 9. No 9. P. 14.

¹³ Саидбаев Т. С. Ислам и общество. М., 1984. С. 153.

молитвы, посещение которого по канонам ислама более или менее обязательно лишь по пятницам и религиозным праздникам. Не удивительно, что в остальные дни они пустыют, что отмечают и американские исламоведы¹⁴.

Не могут фальсификаторы обойти молчанием и деятельность тех учебных заведений в СССР, где готовятся кадры мусульманского духовенства. А. Беннигсен утверждает, что медресе Мир-Араб отличается крайне низким уровнем преподавания, и к тому же неправильно указывает его местонахождение (Ташкент вместо Бухары)¹⁵. Однако несколько позже тот же Беннигсен отмечает, что мусульманские священнослужители СССР по профессиональным стандартам стоят на высоте¹⁶. Но ведь большинство мулл в нашей стране — выпускники Мир-Араба. Так Беннигсен сам же разоблачает еще одну собственную ложь.

В своем стремлении исказить положение мусульман в СССР «советологи» не останавливаются и перед чисто фальсификаторскими операциями с самим понятием «ислам». Сначала он объявляется «не столько догмой или набором ритуальных правил, сколько образом жизни и мышления»¹⁷, иными словами, он как бы перестает быть религией. А. Беннигсен «обогащает» это определение замечанием, что в СССР «часто употребляется выражение «неверующие мусульмане»¹⁸. Относительно ложности этого утверждения двух мнений быть не может. Исламоведу Беннигсену следовало бы знать, что вера в Аллаха является первой из пяти главных обязанностей каждого мусульманина, а потому «неверующий мусульманин» — такой же абсурд, как «верующий атеист».

Сводя ислам к образу жизни, «советологи» затем усиленно подчеркивают тот факт, что некоторые исламские обряды продолжают соблюдаться частью неверующих, и заявляют, якобы «абсолютных атеистов в мусульманских странах не существует»¹⁹; население «мусульманских республик» СССР остается в массе своей религиозным и поэтому, дескать, недовольно политикой отделения церкви от государства и школы от церкви²⁰. Итак, оказывается, ислам — все-таки религия. Ход рассуждений «советологов» ясно выявляет их фальсификаторские цели.

Следует отметить, что на Западе есть и более объективный подход к вопросу об уровне религиозности в республиках Советского Востока, представители которого признают, что соблюдение обрядов и подлинная религиозность — далеко не одно и то же, что в СССР большинство соблюдающих те или иные исламские традиции не верят в бога и не знают содержания Корана, что «атмосфера, способствующая возрождению строгой приверженности к шариату или целенаправленного применения основных принципов Корана, не встречается больше нигде в Средней Азии»²¹.

Бездоказательно утверждая, якобы обряды ислама соблюдаются в СССР почти «всем коренным населением» в районах традиционного распространения ислама, иные авторы заходят настолько далеко, что относят к мусульманским праздникам даже навруз, сохранившийся с доисламских времен²², или объявляют, что пост в месяц рамазан (ураза) соблюдают даже малолетние дети, «забывая», что он обязателен только для взрослых²³. Все это делается с одной целью — изобразить «массовое» соблюдение обрядов как доказательство «неприятя» социалистической идеологии народами Советского Востока.

Некоторые «советологи», сознавая, что «отнесение любого вида социального поведения к области религии... лишает этот термин всякого смысла с точки зрения социально-политического анализа»²⁴, пытались подойти к этому вопросу путем изучения того, насколько соблюдаются в СССР основные канонические обязанности мусульманина. Они пришли, однако, к выводу, что степень приверженности советских «мусульман» вере в Аллаха не поддается объективному определению ввиду безразличия статистики к религиозным убеждениям; исполнение предписаний о пятикратной молитве и посте ограничивается небольшой частью неработающих; взносы на содержание мечетей платят лишь их немногочисленные посетители (хотя этого вполне достаточно

¹⁴ Scott K. Op. cit. P. 243.

¹⁵ Bennigsen A. Islam in Soviet Union: current problems//Change and the Muslim world. Syracuse, 1981. P. 123.

¹⁶ Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet state. London, 1983. P. 72.

¹⁷ Seton-Watson H. Nations and States. Boulder, 1977. P. 317.

¹⁸ Bennigsen A. Islam in the Soviet Union... P. 123.

¹⁹ Bennigsen A., Broxup M. Op. cit. P. 1.

²⁰ Broun J. A. The Muslim challenge within the Soviet Union//America, 1981, V. 148. No 6. P. 108; Bodansky J. Muslims, High technology and the Soviet military//Cahiers du monde russe et soviétique, 1984, V. 25, No 2—3. P. 164.

²¹ Scott K. Op. cit. P. 242.

²² Bacon E. E. Central Asians under Russian Rule. Ithaca — New York, 1980. P. 206.

²³ Ibid.

²⁴ Scott K. Op. cit. P. 242.

для их нормальной работы), а посещение Мекки всегда и во всех странах практически было доступно ничтожному меньшинству верующих²⁵.

Относительно «закята» (сбора средств для мечетей) делаются попытки утверждать, будто в СССР он запрещен²⁶. В действительности советские законы не допускают лишь принудительные сборы в пользу религиозных организаций, как не разрешаются они и в большинстве современных (в том числе мусульманских) государств. Принудительный сбор «закята» запрещен и самим мусульманским правом, согласно которому это — добровольный взнос в пользу бедных и на содержание мечети. Даже американский исследователь положения ислама в СССР К. Скотт признает: «Было бы, конечно, странно, если бы государство со светской конституцией санкционировало всеобщий сбор налога, предназначенного исключительно для религиозных целей»²⁷.

Что касается паломничества в Мекку, то западная пропаганда обвиняет СССР в «препятствовании» исполнению этого обряда из идеологических соображений на том основании, что туда выезжают только 30 человек в год²⁸. Точнее — не 30, а 29 — именно такая квота установлена для советских мусульман правительством Саудовской Аравии. Между прочим, К. Скотт считает, что этой квоты в целом достаточно, поскольку число потенциальных паломников, незначительное и в прежние времена, уменьшилось пропорционально общему снижению религиозности в СССР и, кроме того, «советские граждане сталкиваются с затруднениями в получении даже транзитных виз в те страны, через которые обычно проезжают паломники в Мекку». Он справедливо указывает, что «было бы наивно... предполагать, что советские власти отказывают большому числу желающих совершить паломничество ревностных мусульман в выезде в Мекку из опасения, что они подвергнутся там воздействию идеологии, которой они и так привержены»²⁹.

В стремлении выявить «непримиримое противоречие» между верующими и Советским государством «советологи» делают особый упор на существование в СССР «параллельного ислама», обладающего, дескать, четкой организационной структурой и пользующегося широкой поддержкой верующих, а потому опасного для социалистического государства. Эта концепция обязана своим существованием многочисленным работам А. Беннигсена и получила широкое распространение в «советологическом» исламоведении³⁰. «Неофициальный ислам» противопоставляется «официальному», т. е. духовным управлениям мусульман и зарегистрированным служителям культа, и изображается как хранитель национальных и религиозных традиций.

Свою концепцию о «подпольном исламе» Беннигсен строит на прямом подлоге: поскольку в СССР «одна мечеть приходится на 90 тысяч мусульман»³¹, те, кто их не посещает, отнесены к приверженцам «подпольного ислама». Во-первых, даже западные авторы оценивают число потенциальных прихожан мечетей вчетверо ниже, чем Беннигсен³². При умножении приведенной им цифры на 1330 имеющихся в СССР мечетей получается 119,7 млн. верующих, что вдвое с лишним превышает численность народов СССР, относимых самим Беннигсеном к «мусульманским»! Во-вторых, его цифры рассчитаны со включением детей и женщин, а в большинстве мечетей в нашей стране женщин к молитве не допускают, и этого Беннигсен как специалист по исламу не может не знать. В-третьих, — и это самое главное — он игнорирует широкое распространение атеизма на Советском Востоке, что непосредственно отражается на посещаемости мечетей.

По Беннигсену, «параллельный ислам» — наследник суфийских орденов, традиционно пользовавшихся широкой поддержкой верующих и враждебных всякой государственной власти. В этом он видит ценность «подпольного ислама» для антисоветских планов империализма, явно рассчитывая инспирировать на Советском Востоке религиозный экстремизм и тем самым подорвать морально-политическое единство советского общества³³.

²⁵ Jukes G. The Soviet Union//The Politics of Islamic reassertion. London, 1981. P. 262.

²⁶ Bennigsen A., Lemerrier-Quelleja C. Islam in the Soviet Union. New York, 1967. P. 178.

²⁷ Scott K. Op. cit. P. 242.

²⁸ Lubin N. Assimilation and retention of ethnic identity in Uzbekistan//Asian Affairs. 1981. V. 68. N 3. P. 280.

²⁹ Scott K. Op. cit. P. 245—246.

³⁰ Bennigsen A. Mullahs, Mujahidins and Soviet Muslims//Problems of Communism. 1984. V. 33. No 6. P. 28—44; Bennigsen A. Sufism in the USSR: a bibliography of Soviet sources//Central Asian Survey. 1983. V. 2. No 4. P. 73; Bennigsen A. Soviet Asia since the Invasion of Afghanistan//Central Asian Survey. 1982. V. 1. No 1. P. 65—78; ect.

³¹ Bennigsen A., Broxup M. Op. cit. P. 73.

³² Akiner S. Islamic peoples of the Soviet Union. London, 1983. P. 46.

³³ Bennigsen A. Sufism in the USSR... P. 81—83. См. об этом также: Беляев И. Ислам и политика//Лит. газета. 1987. 20 мая.

На кого же делает ставку Беннигсен? На тех шарлатанов, которые, уклоняясь от честного труда, выдают себя за мулл, а иногда и «святых», за немалую плату совершают для верующих религиозные обряды, создают вопреки закону нелегальные группы по обучению религии. Чему они могут «научить» верующих, если все они не только не имеют религиозного образования и о содержании Корана знают понаслышке, но зачастую и вовсе неграмотны?³⁴ Внушая верующим, что обращаясь к врачам «грешно», они «лечат» больных молитвами и амулетами, нередко наносят непоправимый ущерб их здоровью³⁵. Даже Беннигсен вынужден признать отсутствие политической платформы у «неофициального ислама»³⁶.

Как обстоит дело с ролью «подпольного ислама» как «защитника веры»? В западной литературе предпринимались попытки на основании превратно истолкованных сообщений советской печати, фальшивок ЦРУ, рассказов преданных Родину отщепенцев и измышлений западных корреспондентов в Москве собрать данные о «демонстрациях в защиту религии», якобы имевших место в СССР³⁷. При всем «разнообразии» источников автору не удалось добыть ни одного намека на случаи антисоветских выступлений под лозунгами «защиты ислама». Да и сам Беннигсен не приводит ни одного поддающегося проверке факта в подтверждение своих домыслов и надежд на антисоветский потенциал «подпольного ислама». Эти прогнозы нужны ему для того, чтобы компенсировать вынужденное признание лояльности мусульманского духовенства СССР по отношению к социалистическому строю и пробудить в афро-азиатских странах чувство солидарности с несуществующими «борцами за веру» в республиках Советского Востока.

Надуманность концепции Беннигсена насчет «параллельного ислама» становится ясной, когда он переходит к рассмотрению его взаимоотношений с «официальным исламом». Оказывается, они развиваются «вполне гармонично», их взаимная поддержка создает якобы основу для «исламского возрождения» в СССР³⁸. В то же время Беннигсен признает, что для мусульманского духовенства в СССР нежелательно укрепление влияния «подпольного ислама». Так он вновь опровергает сам себя. Если же обратиться к более авторитетным источникам, то выясняется, что духовные управления мусульман в СССР не раз издавали фетвы (разъяснения), прямо направленные против мулл-самозванцев, — о поклонении могилам, источникам и камням, о правилах шариатского брака, о принесении в жертву скота и т. д.³⁹

Столь же противоречивы оценки Беннигсеном отношения Советского государства к «двум течениям» в исламе. Он то пишет, что «последние десять лет официальная пропаганда направлена против суфийского ислама»⁴⁰, то сообщает, что острее антирелигиозной работы в СССР направлено против «официального ислама»⁴¹. Истина же состоит в том, что в Советском Союзе беспрепятственно отправляются любые религиозные обряды и действуют любые религиозные объединения постольку, поскольку это не нарушает нормы закона, права и свободы советских граждан, включая и право вести пропаганду научного атеизма, который одинаково отрицает любую форму религии — «официальную» или «неофициальную». Советское законодательство не допускает оскорбления религиозных чувств граждан, а Беннигсен всячески обходит этот момент.

Насколько фантастична беннигсеновская концепция, видно хотя бы из его утверждения, что социальной базой «параллельного ислама» в СССР является... «племенная знать»⁴². В советском обществе, однако, давно уже нет ни племен, ни родового строя, при котором только и может существовать эта социальная прослойка.

«Советологи»-исламоведы прилагают немало усилий, чтобы выполнить социальный заказ империализма — любым путем нанести ущерб СССР и направить сложные политические и идеологические процессы в странах Азии и Африки в антисоветское и антикоммунистическое русло. Их попытки вовлечь мусульман всего мира в «священную войну» против коммунизма, против советского народа — лишь одна из сторон той яростной психологической войны, которую империализм ведет против мирового социализма, против сил мира, свободы и прогресса и которая, как сказано в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «не может квалифицироваться иначе, как особая форма агрессии, информационного империализма, попирающих суверенитет, историю, культуру народов»⁴³.

³⁴ Демидов А. Суфизм в Туркмении. Ашхабад, 1978. С. 109.

³⁵ Подробнее см.: Петраш Ю. Тени средневековья. Алма-Ата, 1978; Демидов А. Указ. соч.

³⁶ Bennigsen A., Wimbush S. Op. cit. P. 145.

³⁷ Kowalewski D. Protest for religious rights in the USSR: characteristics and consequences//Russian Review. 1980. V. 39. No 4. P. 426—441.

³⁸ Bennigsen A., Wimbush S. Op. cit. P. 138.

³⁹ Babakhan Z. Op. cit. P. 60.

⁴⁰ Bennigsen A., Broxup M. Op. cit. P. 146—147.

⁴¹ Bennigsen A. Soviet Asia... P. 72.

⁴² Bennigsen A. Islam in the Soviet Union... P. 122.

⁴³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 87—88.

Но логика идеологической борьбы такова, что извращение реальностей в интересах реакционных сил, лишенных исторического будущего, постоянно приходит в противоречие и с фактами, и со здравым смыслом. Вынужденные признавать правду, когда нет возможности ее скрыть, «советологи»-исламоведы в своих концепциях выдвигают тезисы, не совместимые с теми же приводимыми данными. Их далеко идущие выводы и прогнозы не вытекают из этих данных.

Все это не может не привести к выводу о том, что при всех претензиях на «объективность», обилии фактов и цифр и даже обширном цитировании советских источников концепции «советологов» о якобы враждебности Советского государства по отношению к мусульманам, о «притеснениях» верующих в СССР совершенно беспочвенны. Подлинный враг народов зарубежного Востока — те агрессивные силы, которые веками держали в колониальном рабстве сотни миллионов мусульман и сейчас извлекают многомиллионные прибыли за счет нещадной эксплуатации трудящихся масс Азии и Африки, поощряют израильский экспансионизм против арабских стран, терроризируют государства и народы, осмелившиеся отвергнуть политику грубого диктата, ведут необъявленную войну против ДРА, не останавливаются перед прямым истреблением мирных жителей в странах, вызвавших недовольство сил империализма, раздувают пламя ирано-иракской войны и под шумную кампанию о «советской угрозе» наращивают арсеналы смертоносного оружия, достаточные для того, чтобы десятки раз уничтожить все человечество, без различия политических и религиозных убеждений.

К. К. Шадиев

СОЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН

Как известно, только после победы Апрельской революции 1978 г. в Афганистане стало уделяться серьезное внимание организации и развитию науки. И в этом благотворную роль сыграло сотрудничество между АН СССР, академиями наук республик Средней Азии и Академией наук ДРА.

Уже в июле 1978 г. по инициативе Пашто Толэна¹ Правительство ДРА пригласило в Кабул делегацию АН СССР для обсуждения и подписания соглашения о советско-афганском научном сотрудничестве и содействии в создании Академии наук Демократической Республики Афганистан.

6 августа 1978 г. был издан Декрет о создании Академии наук Демократической Республики Афганистан². Ныне Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) и Правительство ДРА принимают необходимые меры для организационного укрепления АН ДРА и улучшения ее структуры.

Первоначально в систему АН ДРА вошли Пашто Толэна, Историческое общество Афганистана, Общество просвещения Ариана, Международный центр по исследованию языка пушту, позже — Центр по изучению истории Кушан и Институт востоковедения. В структуру АН ДРА вошли также вновь организованные центры медицинских и технических наук.

Интересы дальнейшего развития и укрепления национальной экономики, научного и технического потенциала страны требуют расширения изысканий прежде всего в области естественных и технических наук, в которых заинтересованы учебные заведения и государственные учреждения ДРА, народное хозяйство республики.

Вопросы дальнейшего развития Академии наук Афганистана были рассмотрены на совместном заседании Политбюро ЦК НДПА и Совета Министров ДРА 27 ноября 1986 г. Были отмечены как успехи, так и недостатки в деятельности АН ДРА и подчеркнута необходимость усиления ее участия в социально-экономическом развитии страны.

Политбюро ЦК НДПА и Совет Министров ДРА, учитывая роль Академии в социально-экономической жизни страны и исходя из необходимости организационного улучшения ее деятельности, решил учредить звания академика (действительно члена) и члена-корреспондента³ АН ДРА. Соответствующие кандидатуры были выдвинуты министерствами, государственными и общественными организациями. Из их числа были утверждены первые в истории АН ДРА академики: Сулейман Лойик — член Политбюро ЦК НДПА, Президент АН ДРА, министр по делам племен. Специальность — язык и литература; Абдул Ахмад Джавид — научный сотрудник АН ДРА. Специальность — язык и литература; Абдул Шукур Рашод — сотрудник АН

¹ Пашто Толэна (Толына, Толinna) — афганская Академия языка и литературы. Так называлось Общество пушту, слившееся с Литературным обществом в 1937 г.

² Текущий архив АН ТаджССР за 1978—1980 гг.

³ В ДРА они именуются «кандидатами в члены Академии».

ДРА. Специальность — язык и литература; Абдул Вохид Сароби — министр-советник. Специальность — экономика; Абдулла Шорук — заместитель министра горных дел и промышленности, председатель Научного центра по изучению проблем Земли. Специальность — геология; Гулям Дастигир Панджшири — председатель Союза писателей ДРА. Специальность — язык и литература; Гулям Фарук Эттемади — преподаватель Кабульского университета. Специальность — история; Факир Мухаммад Якуби — министр-советник. Специальность — физика; Мухаммад Муси Вардак — первый заместитель начальника Медицинской академии, начальник Центра Академии. Специальность — медицина.

Членами-корреспондентами АН ДРА утверждены: Ахмад Шах Джалал — преподаватель Кабульского университета; Асадулла Хабиб — ректор Кабульского университета; Булбул Шах Джалол — заведующий Химико-биологическим центром АН ДРА; Хайдар Маъсуд — секретарь ЦК НДПА; Сомиа Абоди — научный сотрудник АН ДРА; Абдул Рахман Балуч — научный сотрудник АН ДРА; Абдул Рахим Хушдель — преподаватель Кабульского университета; Абдул Рашид Рауф — заведующий плановым отделом сельского хозяйства и ирригации Госкомитета по плану ДРА; Абдул Сами Гаффари — директор Института водных проблем АН ДРА, работник аппарата ЦК НДПА; Абдул Самад Салим — декан почвенного факультета Кабульского университета; Абдул Гафур Бохара — министр-советник; Абдул Кабир Ранджбар — научный сотрудник АН ДРА; Абдул Мажид Наботи — заместитель министра высшего и среднего образования ДРА; Али Ахмад — преподаватель Кабульского медицинского института; Али Акбар Шахристони — декан факультета языка и литературы Кабульского университета; Гулям Абубакр — заместитель министра сельского хозяйства по вопросам животноводства; Гулям Мухаммад Бахрам — директор НИИ сельского хозяйства; Факир Мухаммад Зумрай — преподаватель Кабульского университета; Гуль Ахмад Холади — заместитель директора по науке НИИ сельского хозяйства; Мухаммад Ибрагим Атаи — председатель джирги (собрания) министерства по делам племен; Мухаммад Азам Сенгани — директор Центра по общественным наукам АН ДРА; Мухаммад Акрам Усман — директор Института истории и этнографии АН ДРА; Мухаммад Анвар Нуниёлай — научный сотрудник АН ДРА; Мухаммад Амин Имам — преподаватель Кабульского университета; Мухаммад Хусейн Халолли — ректор Кабульского политехнического института; Мухаммад Рахим Ильхам — заведующий Центром языка и литературы АН ДРА; Мухаммад Сидик Рухи — научный сотрудник АН ДРА; Мухаммад Захир Уфк — вице-президент, ученый секретарь АН ДРА; Мухаммад Якуб Вахиди — научный сотрудник АН ДРА; Махмуд Хабиби — заместитель председателя Союза журналистов ДРА; Мехр Мухаммад Иджози — ректор медицинского института; Мир Хусейн Шах — преподаватель Кабульского университета⁴.

В числе академиков и членов-корреспондентов АН ДРА — представители большинства наций и народностей, составляющих население современного Афганистана. Среди них есть пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, белуджи и др.

ЦК НДПА и Правительство ДРА установили ежемесячное денежное жалование: 10 тыс. афгани для академиков и 5 тыс. — для членов-корреспондентов АН ДРА.

В системе Академии наук ДРА создается 5 отделений: Биологии и сельского хозяйства; Науки о Земле; Медицинское; Физики, химии, математики и техники; Общественных наук⁵.

Все эти мероприятия, нацеленные на дальнейшее развитие социально-экономической и культурной жизни страны, открывают новый этап в развитии науки в Демократической Республике Афганистан. Они несомненно будут способствовать также расширению и укреплению сотрудничества ДРА и СССР в области науки.

А. Аюлов

⁴ Хакикате инкилобе саур, 1986. 8 дек.

⁵ Там же.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В начале 1986 г. в журнале «Общественные науки в Узбекистане» была опубликована рецензия на книгу Б. А. Ахмедова¹, в которой почти нет ни одного конкретного критического замечания, кроме пожеланий типа «эти сведения... можно было

¹ Мукминова Р. Г., Юсупова Д. Ю. Б. А. Ахмедов. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (Письменные памятники)//ОНУ. 1986. № 4. С. 57—60.

несколько расширить», «следовало подчеркнуть», «помогло бы выяснение» (с. 58) и т. д. Основное внимание рецензентов акцентировано на вопросах, которые неоднократно поднимались в печати. В частности, это касается «Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме» и связанного с ним вопроса об авторстве Шейбани-хана, чему отведена треть объема рецензии.

Здесь же, с некоторым отступлением, дается резюме рецензии Х. З. Зияева, в которой он, «положительно оценивая работу», вместе с тем указывает, что «книга не лишена отдельных недостатков и упущений. Прежде всего следует упрекнуть автора в том, что в отдельных местах он увлекается излишней детализацией и подробностями биографии того или иного средневекового автора» (с. 60). Между тем, по утверждению первых рецензентов, в книге «приведены краткие биографические сведения об авторах сочинений» (с. 57). Далее Х. З. Зияев указывает еще несколько «недостатков и упущений», рекомендует автору, на что следовало обратить внимание, а что обойти молчанием.

Тщательно ознакомившись с этими рецензиями, мы пришли к выводу (поскольку имеем к данному предмету несколько более близкое отношение), что они не отражают истинного характера рецензируемой книги и могут ввести общественность в заблуждение, а она вправе требовать от научных трудов точной информации. Ввиду этого необходимо еще раз вернуться к данной публикации.

Известно, что четко поставленная цель во многом определяет результаты, исследования, приводя к надежным выводам. Но вот как определяет свою цель автор рецензируемой книги: «В данной работе мы стремились ввести в научный обиход наиболее ценные, с нашей точки зрения, нарративные источники по истории Средней Азии XVI — первой половины XVIII в., показать богатство и разнообразие содержащихся в них сведений на примере персоязычных и тюркоязычных сочинений XVI — начала XIX в.» (с. 4).

В другом месте читаем: «В данной работе рассматриваются более пятидесяти ценных восточных рукописей XVI — начала XIX в. исторического, геокографического, мемуарного и биографического содержания, богатых разнообразными сведениями по истории Средней Азии XVI — первой половины XVIII в., а также отчеты и путевые записи русских и иностранных послов XVI — XVIII вв.» (с. 5).

И, наконец, на с. 6 сказано: «Во второй раздел данной работы вошли несколько очерков — сведений русских и иностранных послов по Средней Азии XVI — первой половины XVIII в.»

Очевидно, у автора был определенный принцип отбора этих «более пятидесяти ценных восточных рукописей». «В данном исследовании, — пишет он, — охвачены не все письменные памятники по рассматриваемому периоду истории Средней Азии. Здесь мы руководствовались принципом критического отбора, т. е. предпочтение отдавалось наиболее полным и ценным сочинениям» (с. 9).

Если Б. Ахмедов отдал предпочтение «наиболее полным и ценным сочинениям», руководствуясь «принципом критического отбора», то почему не включил в свою книгу труд Мухаммад Хусайна «Махазин ат-таква», о котором В. В. Бартольд сказал: «Сочинение Мухаммед-Хусейна, несомненно, будет признано одним из важнейших источников по истории Туркестана в конце XVIII и в начале XIX в.»²? Мы могли бы назвать немало аналогичных сочинений, не вошедших в число «более пятидесяти ценных восточных рукописей». А причина тому — их практически полная неизученность, в отличие от подавляющего числа работ, включенных в рецензируемую книгу.

Сделав краткий обзор использованных сочинений, автор заключает: «В данную работу вошли также очерки по уже изданным и, следовательно, в какой-то степени введенным в научный обиход источникам: «Таварих-и гузиде, нусрат-наме», «Михман-наме-йи Бухара», «Дастур ал-мулук», «Тарих-и Муким-хани», «Убайдаллах-наме» и «Тарих-и Абу-л-Файз-хани» (с. 8).

Для чего же автор дал очерки по перечисленным источникам? Это сделано, по его словам, потому, что «включение в исследование этих сочинений позволяет полнее охватить всю историю Средней Азии XVI — первой половины XVIII в.» (с. 8).

Однако, во-первых, число изданных источников во много раз больше, чем указано у автора: во-вторых, хотя он и охарактеризовал их как «в какой-то степени» введенные в научный обиход, они исследованы (за исключением первого, представленного в фрагментарных переводах), переведены и снабжены научными комментариями, не говоря уже о многочисленных публикациях. Автор же ограничился повторением известных фактов.

Специалисты в этой области вправе задать Б. Ахмедову вопрос — что нового он сказал в отношении, к примеру, сочинения Мухаммад Хаким-хана «Мунтахаб ат-таварих» (с. 126, 127)? Как он раскрыл «богатство и разнообразие содержащихся в нем сведений»? Анализ показывает, что к уже известному об этом источнике в научной литературе Б. Ахмедов не добавил ни одного нового слова. Более

² Бартольд В. В. Соч. Т. VIII. М., 1973. С. 459.

того, он не только допустил целый ряд неточностей и ошибок, но и дезинформировал читателя о состоянии изученности ценнейшего источника. При этом он даже перепутал сочинение «Маджму' ат-таварих» с «Мунтахаб ат-таварих» (с. 229).

Намерение автора ввести в научный обиход одновременно более пятидесяти источников непременно должно было привести к неизбежным ошибкам, ибо работа над любым источником, тем более непереверденным и неисследованным, должна вестись комплексно: исследование, с привлечением соответствующей научной литературы; перевод текста, с использованием всех его списков; научные комментарии. Пренебрежение этими элементарными требованиями чревато печальными последствиями, что и случилось в настоящей книге.

Поскольку перечислить все допущенные Б. Ахмедовым ошибки и неточности практически немислимо, ограничимся наиболее грубыми. Скажем сначала о фамилиях и инициалах авторов, в написании которых встречается масса неточностей. Так, О. И. Сенковский дан как И. И. Сенковский (с. 83, 245), Г. Я. Кёр — Т. Я. Кёр (с. 155), И. М. Заруцкий — И. В. Заруцкий (с. 201, 238), А. Бекович-Черкасский — А. Бекович-Черкесский (с. 125, 212, 216, 236), С. К. Ибрагимов — С. Г. Ибрагимов (с. 223), И. П. Петрушевский — М. П. Петрушевский (с. 223), К. П. Кауфман — К. Б. Кауфман (с. 240), Г. И. Костыгова — Н. И. Костыгова (с. 240), М. А. Салье — М. В. Салье (с. 244) и т. д.

В еще более печальном состоянии оказалась хронология. Так, по-разному указаны годы жизни историка Джувейни: 623/1226—681/1282—1283 (с. 13) и 623/1226—670/1271—1272 (с. 238). То же самое в отношении Абд ар-Рашид-хана: 939/1533—978/1570 (с. 40), хотя в другом месте говорится, что он умер еще в 958/1551 (с. 140), а далее — 937/1530—1531—978/1570 (с. 159) и 939/1533—967/1560 (с. 233).

Читателю на выбор дано несколько вариантов хронологических рамок правления аштарханида Баки Мухаммад-хана: 1012/1603—1014/1605—1606 (с. 58), 1009/1601—1013/1605 (с. 66), 1012/1603—1015/1606 (с. 236). А ведь именно на основе даты прихода к власти этого правителя Б. Ахмедов развивает целую теорию, пытаясь установить точную дату смены шайбанидов аштарханидами (с. 191), но при этом «упуская из виду», что данный вопрос впервые поднят в литературе нами и в какой-то мере решен³.

Разнобой в датах допущен и по отношению к шайбаниду Абд ал-Азиз-хану — 951/1544—957/1550 (с. 60), 947/1540—957/1550 (с. 164); географу Якуту — ок. 1179—1229 (с. 68), ок. 1179—1329 (с. 239); хивинским правителям: Ануша-хану — 1074/1663—1664—1098/1687 (с. 73), 1074/1664—1085/1674 (с. 235) и Араб Мухаммад-хану — 1011/1602—1023/1614 (с. 78), 1011/1602—1032/1623 (с. 235). Год рождения историка Мухаммад Казима сначала указан 1133/1720—1721 (с. 110), а затем — 1133/1701 (с. 242) и т. д. Словом, хронология в книге Б. Ахмедова не выдерживает какой-либо критики.

Между тем именно хронология является важной частью источниковедения. Как могут убедиться читатели, на ее основе автор строит даже целые теории. Рецензенты же характеризуют весь этот разнобой как «описки в хронологию» (с. 59).

Встречаются и более поразительные искажения исторических дат. Как мог, скажем, персидский правитель Надир-шах завоевать Хорезм в 1639 г. (с. 125), если сам он появился на свет лишь спустя сто лет? Как мог бухарский правитель Вали Мухаммад-хан заключить союз с шахом Аббасом II (с. 135), если, согласно Б. Ахмедову, первый правил в 1606—1611 гг., а второй — в 1642—1666 гг.? Разве могла Марина Мнишек родить от брака с Лжедмитрием I сына в 1611 г. (с. 201), если того казнили... еще в 1606 г.? Как могла А. Беверидж стать мужчиной (с. 155 и др.), а П. И. Петров — автором сочинения «Поход Надир-шаха в Индию» (с. 228), которое принадлежит Мухаммад Казиму?...

Автор называет такую однозную личность, как П. А. Зубов, известным военачальником (с. 217). Но это именно тот П. А. Зубов, о котором в СИЭ читаем: «Последний из фаворитов Екатерины II, интриган, бездарный администратор... по словам А. В. Суворова, З. флот «изгноил и людей выморил»⁴. А его возводят чуть ли ни в выдающиеся полководцы.

Выше мы дали общее представление о том, как автор обращается с фактами. Теперь подробнее остановимся на статье «Тарих-и Кипчак-хани» (с. 95—101). В свое время мы знакомились с книгой Б. Ахмедова еще в машинописном варианте, где «Тарих-и Кипчак-хани» отводилось от силы три страницы. При практически полной неизученности этого сочинения в тот период автор и не мог дать большего при всем желании, а ограничился повторением незначительных фактов из научной литературы.

³ Хуршут Э. У. «Тарих-и Кипчак-хани» — важный источник по истории Средней Азии и Северного Афганистана XVI—XVII вв.; Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1982. С. 8, 9.

⁴ Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. С. 710.

Но случилось так, что рецензируемая книга представлялась Б. Ахмедовым в Издательство «Фан» дважды. Она возвращалась автору для доработки, после чего объем этой статьи стал во много раз больше, ибо к тому времени появились нашей публикации⁵. Автор не только сильно переработал отдельные места, но и изменил название своего труда. Однако при втором представлении книги в издательство он, вопреки требованиям, обошел как ответственного редактора, так и рецензентов.

Рассмотрев указанный источник, Б. Ахмедов делает такой вывод: «Несмотря на определенную ценность, «Тарих-и Кипчак-хани» изучен не в полной степени. Опубликован лишь небольшой фрагмент из него» (с. 101), выполненный В. П. Юдиным. И здесь Б. Ахмедов вводит читателя в заблуждение, ибо данный источник лег в основу нашей кандидатской диссертации. Автор не только знаком с нашими публикациями, но и старательно заимствовал из них все выводы и положения, ссылаясь, однако, на первоисточник. И тем не менее он допустил множество грубейших ошибок.

Так, далеко от действительности приписывание факта «шестимесячной осады Кандгара» (с. 96) балхскому войску после ухода из Балха сыновей Великого Могола (Бабурида) Шах Джохана. Фактически эта осада была предпринята шахом Аббасом II (1642—1667), о чем свидетельствует и автор «Тарих-и Кипчак-хани»: «Шах Аббас, узнав в священном Мешхеде о заключении мира (между Надир Мухаммад-ханом и Великим Моголом. — Э. Х.)... поднял знамя с намерением овладеть той укрепленной крепостью»⁶, т. е. Кандагаром.

Таким образом, поскольку войско Надир Мухаммад-хана к осаде Кандагара не имело никакого отношения, то правитель этой крепости никак не мог сдать ее «осаждавшим ее эмирам Надр Мухаммад-хана» (с. 96).

Узнав об осаде Кандагара, Шах Джохан приказал деду автора отправиться туда, и он «в соответствии с приказом Шах Джохана поторопился на помощь Даулат-хану, назиму (т. е. правителю. — Э. Х.) Кандагара»⁷.

Неизвестно, как развивались события далее, но Кипчак-хан говорит о шестимесячной осаде крепости персидским шахом. Так как осажденные ниоткуда не получили помощи, то они сдали крепость Аббасу II. Далее Кипчак-хан пишет: «Шах отпустил Даулат-хана восояси в Хиндустан. Деда моего он захватил с собой»⁸. Когда же по пути в Мекку в Семнани скончался Надир Мухаммад-хан, шах Аббас, «согласно посланию Абд ал-Азиз-хана и Субхан Кули-хана (сыновья Надир Мухаммад-хана. — Э. Х.), предписал деду автора доставить прах Надир Мухаммад-хана в лучезарный город»⁹, т. е. Медину.

Согласно же Б. Ахмедову, получается, что после взятия Кандагара Надир Мухаммад-ханом деду Кипчак-хана «больше ничего не оставалось делать, как перейти на сторону последнего» (с. 96). С «этого времени вплоть до своего отъезда в Мекку (в 1108/1696—1697 г.) он находился в услужении сначала у Надр Мухаммад-хана, а затем у его сына и преемника Субханкули-хана» (с. 96).

Как видим, эти утверждения полностью противоречат сведениям «Тарих-и Кипчак-хани».

«Что касается Имамкули кушбеги — отца автора, — пишет Б. Ахмедов, — то всю свою жизнь, он служил балхским ханам» (с. 96). Эта фраза также далека от действительности, о чем буквально рядом пишет и сам автор, не подозревая, в какое глубокое противоречие он впадает: «Согласно данным «Тарих-и Кипчак-хани» Имамкули кушбег в 1107/1695—1696 г. с разрешения Субханкули-хана поехал совершать паломничество в Мекку (л. 1186) и более о нем никаких сведений нет» (с. 96).

В свое время, проследившая биографию Имамкули, мы писали, что он «с большим усилием получил дозволение Субхан Кули-хана [отправиться] в паломничество к двум священным городам [Аравии]... в [месяце] мухаррам года тысяча сто седьмого (август 1695 г.) из исконной родины (Балха) отправился к двум священным городам [Аравии]»¹⁰, со ссылкой на список № 4468/II, л. 1186, и больше никаких сведений в этой статье о дальнейшей судьбе Имамкули мы не сообщали.

Используя этот факт и сославшись на первоисточник, благо мы точно указали место, Б. Ахмедов пишет, что «более о нем (т. е. Имамкули. — Э. Х.) никаких сведений нет». Это верно применительно к научной литературе, но отнюдь не к первоисточнику. Что же делает Б. Ахмедов? Он начинает строить предположения: «По-видимому, Ходжамкули-бек сопровождал отца в его поездке к святым местам Аравии. В заключении «Тарих-и Кипчак-хани»... Ходжамкули-бек говорит, что с покойным отцом он жил в Лахоре» (с. 96, 97).

⁵ Хуршут Э. «Тарих-и Кипчак-хани» — важный источник по истории Средней Азии и Северного Афганистана XVI—XVII веков//ОНУ. 1981. № 6. С. 56—60; Его же. «Тарих-и Кипчак-хани» и его списки//ОНУ. 1982. № 1. С. 64—68.

⁶ Ркп. Бодлеанской библиотеки, № 117, л. 275 б.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же, л. 276а.

¹⁰ Хуршут Э. «Тарих-и Кипчак-хани» — важный источник... С. 56.

Далее Б. Ахмедов свои сведения о судьбе Имамкули восполняет из научной литературы: «Составители каталога «Собрание восточных рукописей АН УзССР» полагают, что «в мухарраме 1107/августе-сентябре 1695 г. отец автора, оппозиционно настроенный к правителю Балха Махмуд-бий аталыку, под удобным предлогом покинул Балх вместе с семьей и поселился в Индии у правителя Пенджаба Абд ас-Самад-хана». По мнению Ч. Стори, он тогда «попал в плен в Индию и в 1125/1713 г. был в Лахоре, которым в то время от имени Фаррух Сийара (1124/1712—1131/1719.— Б. А.) управлял Абд ас-Самад-хан» (с. 97).

Словам составителей каталога и Ч. Стори Б. Ахмедов дает такую оценку: «Оба высказывания в какой-то степени заслуживают внимания, однако Имамкули кушбеги не сразу поехал в Индию и тем более не в качестве пленного. Как явствует из текста самого сочинения, на обратном пути из Аравии они с сыном не вернулись в Балх, а остались в Лахоре» (с. 97).

Спрашивается, зачем строить догадки и предположения, если Кипчак-хан, хотя и отрывочно, но последовательно излагает в «Тарих-и Кипчак-хани» биографию своего отца, который из-за интриг (составители каталога неверно пишут, что отец автора был оппозиционно настроен к Махмуд-бию) наместника Балха, Махмуд-бия считал, что «оставаться в этом владении (т. е. Балхе.— Э. Х.) нельзя, [ибо] узбекские чапаны и аламаны, считая себя из числа знаменитых людей и простерев руку насилья и гнета, стали бы учинять оскорбления знатым и честным людям. Спасение в том, чтобы отстраниться от всего, дабы оставшиеся [в живых] не были попораны роковыми событиями. Одновременно с этим обстоятельством были получены фирманы и указ Аламгира (Аурангзеба.— Э. Х.), что и определило желание [отца автора]»¹¹.

Последнее обстоятельство и укрепило решение Имамкули покинуть Балх. Поэтому в 1106/1694—95 г. он направляется в Бухару, чтобы добиться разрешения хана на паломничество в Мекку¹². Субханкули-хану не хотелось расставаться со своим кушбеги, а потому Имамкули получил разрешение на паломничество «с большим усилением»¹³. Мотивировать свой отъезд паломничеством Имамкули вынужден был из политических соображений. Решение же податься в Индию было принято им давно. Имамкули втайне вел переписку с Великим Моголом о своем намерении поселиться в его владениях. Кипчак-хан не сообщает, совершил Имамкули паломничество или нет. В заключении своего сочинения он указывает, что «по воле провидения вместе с покойным родителем пленником» попал в Хиндустан¹⁴, где и обосновался навсегда.

Как видим, мнения составителей каталога и Ч. Стори заслуживают внимания, вопреки утверждениям Б. Ахмедова, не «в какой-то степени», а в полной мере, поскольку они опирались на первоисточник.

Итак, Имамкули в 1107/1695—96 г. навсегда покинул Балх и обосновался в Лахоре, где до 1125/1713—14 г. был связан с правителем Пенджаба. Поэтому утверждение Б. Ахмедова, якобы «всю свою жизнь он служил балхским ханам», неверно. Точно так же беспочвенны слова Б. Ахмедова «не в качестве пленного». Нет у него никаких оснований и подвергать сомнению слова Ч. Стори «попал в плен в Индию», равно как утверждать, что «Имамкули кушбеги не сразу поехал в Индию». Далее, Б. Ахмедов «забыл» указать то место «текста самого сочинения», откуда явствует, что «на обратном пути из Аравии они с сыном не вернулись в Балх, а остались в Лахоре» (с. 97). Если не было «пути в Аравию», то, значит, не было и обратного пути. Наконец, зачем нужно было апеллировать к мнению составителей СВР и Ч. Стори, если Б. Ахмедов произвел «тщательное изучение самого труда...», а также сравнение его с другими списками «Тарих-и Кипчак-хани» (с. 98)? Напомним читателям, что этих списков — семь. И если Б. Ахмедов действительно занимался бы подобной работой, на это ушло бы немало лет.

Много ошибок в рецензируемой книге допущено и в отношении самого Кипчак-хана. Так, Б. Ахмедов полагает, что он был «одним из знатных лиц при дворе Аштарханида Субханкули-хана» (с. 95, 96). В действительности этим знатым лицом был его отец Имамкули.

«На военной службе,— читаем далее,— у балхского хана находился и Ходжакули (другое имя Кипчак-хана.— Э. Х.). В 1104/1692—1693 г. во время вторжения хивинских войск в Каракуль, он вместе со своим отцом... принял участие в отражении неприятельских войск» (с. 96).

Действительно, Кипчак-хан, или Ходжамкули, принимал участие в этом походе. «В том походе,— пишет он,— автор был вместе со своим отцом»¹⁵. Однако из этого ни в коей мере не следует, что он служил балхскому хану, поскольку в то время был еще юным.

¹¹ Ркп. Бодлеанской библиотеки, № 117, л. 284 аб.

¹² Там же, л. 284 б.

¹³ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 4468/II, л. 1186.

¹⁴ Ркп. Бодлеанской библиотеки, № 117, л. 296б.

¹⁵ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1468/II, л. 118а.

«Дальнейшая судьба автора «Тарих-и Кипчак-хани» не совсем ясна,— пишет Б. Ахмедов.— Судя по тому, что о событиях 1107—1108/1695—1697 гг. в Балхе он рассказывает с уст верных друзей и авторитетных лиц (л. 110а), его в те годы не было в Балхе» (с. 96). Как видим, автор точно указывает, откуда взято это сообщение — список № 4468/II, л. 110а. Однако там ничего подобного нет. А взято это из нашей публикации: «Информатором автора (т. е. Кипчак-хана.— Э. Х.) служил и его отец, на устные сообщения которого он опирается и ссылается. Перебравшись в Индию, автор пишет: «В дальнейшем положение [дел на] исконной родине (т. е. в Балхе.— Э. Х.) будет излагаться [на основании] слышанного от надежных лиц» (л. 284б). А этими надежными лицами являлись выходцы из Мавераннахра, которые принимали активное участие в описываемых событиях и перебирались в Индию по политическим соображениям»¹⁶.

«Тарих-и Кипчак-хани», — пишет Б. Ахмедов, — согласно установившейся традиции, написан по образцу мусульманской историографии и повествует об основных событиях, приключившихся на Востоке... Труд состоит из введения (фатиха), заключения (хатима) и пяти частей... Европы (Греции, Рима и Франции)» (с. 97).

Во-первых, с каких пор Европа стала входить в понятие «Восток»? Во-вторых, никакой истории Франции в «Тарих-и Кипчак-хани» нет. В третьих, список № 117 состоит не из пяти, а из девяти глав (частей). Неверно также утверждение, что в «Тарих-и Кипчак-хани» приводится история Халдеи (с. 97).

«По мнению В. В. Бартольда, Н. Д. Миклухо-Маклая и Блоше, — пишет Б. Ахмедов, — Ходжамкули-бек продолжал работу над своим сочинением и в последующие годы: в 1137/1724—1725 г. переработал, а в последующем, 1138/1726 г. дополнил событиями этого года» (с. 97).

Неспонятно, для чего нужно Б. Ахмедову мнение этих ученых, если он «тщательно» изучил труд со всеми его семью списками?! Ведь в самом сочинении ясно сказано об этом¹⁷. К тому же у В. В. Бартольда нет никакого мнения на этот счет. Приписанные ему слова в действительности принадлежат О. Ф. Акимушкину, который подготовил восьмой том сочинений В. В. Бартольда к изданию¹⁸.

Даже из сказанного ясно видно, что Б. Ахмедов сам не последовал тому прекрасному примеру, о котором он пишет: «Маркс, — свидетельствует он (Лафарг.— Э. Х.)... не довольствовался сообщениями из вторых рук; он всегда сам добирался до первоисточника, какие бы трудности это не представляло; даже ради второстепенного факта он спешил в Британский музей, чтобы в библиотеке музея проверить этот факт» (с. 7).

В заключение надо сказать, что Б. Ахмедов писал свой труд, за незначительным исключением, сугубо на основе опубликованных работ; сюда относятся и его прежние публикации, к которым он практически ничего нового не добавил. Рецензируемый труд не содержит каких-либо следов кропотливой деятельности, без чего работа над первоисточником бессмысленна. Ввиду этого книга носит откровенно компилятивный характер. Об этом свидетельствуют также многочисленные ошибки в именах собственных, непоследовательность транскрипции как личных имен, так и географических названий, а особенно — искажения в хронологии.

Автор не только не смог, как обещал во введении, способствовать «выявлению того нового и полезного, что... представляет интерес для современной науки, в частности служит для устранения пробелов, неточностей и неясностей, имеющих в изучении позднесредневековой истории народов Средней Азии» (с. 5), но и внес в этот вопрос еще большую путаницу, искажив достоверные факты.

Не выполнил он и другое обещание — не довольствоваться сообщениями из вторых рук, а самому добираться до первоисточника. Иначе чем объяснить, скажем, такие факты. Вот как переводит Б. Ахмедов один и тот же текст из первоисточника: «Над этой священной гробницей (мнимой могилой Али в Мазари Шарифе.— Э. Х.)... в 866 г. работал вместе со своим отцом господин, глава архитекторов, маулана Бинаи, который был главным в науке, особенно в науке возведения зданий. С тех пор прошло 170 лет, а к этому зданию не пристала никакая порча» (с. 18). А на с. 143 читаем: «И господин, образец среди вставших на путь истины маулана Бинаи, который в образованности и начитанности [да и] в науке строительных дел был бесподобным, посчитав усилия прежних строителей напрасными, а самое здание не прочным, в 886 г. вместе со своим отцом соорудил на том священной мазаре высокое здание из кирпича. И несмотря на то, что с того времени до сей поры прошло 172 года, на нем не заметны какие-либо изменения».

А ведь на основе этих дат Б. Ахмедов строит целую теорию, в частности «установливает» время составления сочинения Мухаммад Тахира «Аджа'иб ат-табакат», откуда и взята эта цитата. «Таким образом,— резюмирует свою мысль автор,— сло-

¹⁶ Хуршут Э. У. Указ. автореф. С. 17, 18.

¹⁷ Ркп. Бодлеанской библиотеки, № 117, б. 295а, 297а, 298а.

¹⁸ Бартольд В. В. Соч. Т. VIII. С. 340.

жив обе цифры 886+172, мы получаем 1058/1648, что и является годом завершения настоящего сочинения» (с. 142). А если сложить 866+170? Каким тогда станет год «завершения настоящего сочинения»?

Короче говоря, книга Б. Ахмедова не выдерживает элементарной критики. Поэтому вряд ли можно утверждать, как это делают рецензенты, что «изданием данной работы Б. А. Ахмедов оказал большую помощь историкам, востоковедам, этнографам, филологам, занимающимся историей и литературой Средней Азии XVI—XVIII вв.» (с. 59).

Э. Хуршут

* * *

Письмо канд. ист. наук Э. У. Хуршута по предложению редколлегии журнала было обсуждено 27 апреля 1987 г. на расширенном заседании Ученого совета Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР, в котором приняли также участие научные сотрудники из Института истории и Института рукописей АН УзССР, восточного факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.

В ходе обсуждения выступили: члены-корреспонденты АН УзССР П. Г. Булгаков, У. И. Каримов, доктора ист. наук Б. А. Ахмедов, Х. З. Зияев, Р. Г. Мукминова, А. У. Урунбаев, кандидаты ист. наук Э. У. Хуршут, М. Ю. Юнусходжаева, кандидаты филол. наук Х. Дадабаев, Х. Хикматуллаев, Д. Ю. Юсупова, мл. научные сотрудники ИВ АН УзССР О. Буриев, Ш. Мусаев.

По мнению участников обсуждения, основная масса замечаний, сделанных Э. У. Хуршутом, носит сугубо частный характер, они сводятся к опечаткам, ошибкам в хронологии, написании имен и т. п. В целом они правильны, обоснованы и полезны, но легко исправимы и не дают основания к игнорированию научного значения книги Б. А. Ахмедова в целом. Ошибки, отмеченные Э. Хуршутом, в известной степени отражаются на качестве работы, но не отрицают ее ценности. В связи с этим было отмечено, что ошибки, указанные Э. Хуршутом в работе Б. А. Ахмедова, присущи многим источниковедческим работам, и высказано предложение о необходимости более тщательного обсуждения работ, рекомендуемых в печать, на Ученых советах, и о повышении ответственности авторов и ответственных редакторов за выпуск работ с подобными ошибками (Р. Г. Мукминова, Х. З. Зияев, У. И. Каримов и др.).

Как отметили выступавшие, рецензия Э. Хуршута в целом носит тенденциозный, односторонний характер, полностью отрицая ценность книги и важный вклад автора в изучение источниковедческой литературы XVI—XVIII вв. Обвинения Б. А. Ахмедова в политических ошибках и в том, что «труд не содержит каких-либо следов кропотливой деятельности», в сомнительности научного значения его не обоснованы и являются результатом необъективного, одностороннего подхода к характеристике работы Б. А. Ахмедова. Выступившие не согласились со взглядами Э. Хуршута на методологические принципы изучения источников (П. Г. Булгаков, А. У. Урунбаев). Порою преднамеренно искажены отдельные факты; неправильные моменты и ошибки объясняются предвзятостью. Было отмечено, что общий тон письма Э. Хуршута недружелюбный, недоброжелательный, высокомерный, не соответствующий требованиям здоровой критики в духе времени. Все письмо написано без соблюдения научной этики (Д. Юсупова, Х. Хикматуллаев, Ш. Мусаев и др.).

Выступившие отметили важное значение книги Б. А. Ахмедова не только для историков, но и филологов, и географов. Работа Б. А. Ахмедова высоко оценена учеными нашей страны (рецензия академика АН АзССР З. М. Буниятова) и других стран (Монголия, ФРГ, ДРА).

В принятом постановлении говорится:

«1. Замечания, содержащиеся в рецензии Э. У. Хуршута на книгу Б. А. Ахмедова «Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв.» правильны и полезны, но они носят в основном сугубо частный характер и состоят из опечаток, незначительного числа ошибок в написании инициалов, дат и т. п. Наличие такого рода ошибок снижает качественный уровень работы, но не может свести на нет ее научной ценности, значения огромной работы Б. А. Ахмедова по изучению и систематизации редких источников.

2. Рецензия носит односторонний, тенденциозный и, следовательно, необъективный характер, так как в ней не дается анализа и оценки вклада данной работы в источниковедение Средней Азии. Ее тон недружелюбный, недоброжелательный, высокомерный, не соответствующий требованиям здоровой критики в духе времени. Ряд обвинений необоснованы, методологически неверны.

3. Для повышения качества издаваемых работ в дальнейшем обсуждение их для рекомендации к печати проводить более тщательно, всесторонне, с привлечением большого круга специалистов, обеспечивая заблаговременное знакомство с обсуждаемой работой.

Повысить требовательность к авторам и ответственным редакторам в процессе редакционной подготовки работ к публикации».

От редколлегии. Публикуя эти материалы, мы надеемся, что это будет способствовать усилению внимания наших ученых как к качеству издаваемых трудов, так и к уровню их рецензирования, что имеет весьма важное значение для дальнейшего развития не только востоковедения, но и всех отраслей общественных наук.

НОВЫЕ КНИГИ

**Н. Е. БЕКМАХАНОВА. МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ
КАЗАХСТАНА И КИРГИЗИИ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА
(60-Е ГОДЫ XIX В.— 1917 Г.)**

(М.: Наука, 1986. 244 с.)

Новое капитальное исследование Н. Е. Бекмахановой должно по праву привлечь внимание историков Узбекистана. И не только потому, что насыщенное богатым содержанием, оно охватывает также территорию б. Сырдарьинской области Туркестанского края (а в ряде случаев — Самаркандской и Ферганской областей), но прежде всего потому, что глубокого внимания заслуживают методологические позиции автора и широкий охват разнообразных источников, критически используемых в попытке «решить ряд проблем истории, этнографии, исторической географии, исторической демографии, этнической политики и других», что потребовало «разработки специальной методики для работы с источниками» (с. 3).

Как справедливо отмечает автор, изучение многонационального городского и сельского населения в исследуемые годы, т. е. в период разложения феодальных и формирования капиталистических отношений дает возможность полнее определить единство исторических судеб народов Казахстана, Киргизии и смежных с ними территорий.

Основному тексту книги предпослан аналитический обзор дворянско-буржуазной, а затем советской историографии вопроса, приводящий к выводу об актуальности «проблемы состава численности, размещения, национального состава, естественного и механического движения многонационального населения, его политических, экономических, культурных взаимосвязей, совместных выступлений в классовых битвах последней четверти XIX — начала XX в.» (с.29). Далее следует весьма ценный обзор источников по исторической демографии Казахстана и Киргизии эпохи капитализма.

В специальных главах подробно рассматриваются: а) политико-административное устройство региона, его размежевание в 60-х годах XIX в.— 1917 г.; б) численность и национальный состав населения Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма; в) численность и национальный состав населения Казахстана и Киргизии в эпоху империализма; г) социально-экономическое развитие Казахстана и Киргизии, взаимосвязи их многонационального населения в исследуемый период. Книга завершается выводами автора.

Обилен и обстоятелен научный аппарат работы. Полезную информацию содержат 42 цифровые таблицы, кропотливо составленные по данным источников и литературы.

В целом исследование Н. Е. Бекмахановой представляет собой новый шаг в изучении большого и сложного процесса формирования казахского и киргизского народов в буржуазные нации, оставшегося, по мнению автора, незавершенным к 1917 г., но уже определившего этническую ситуацию, которая получила окончательное развитие в советский период.

Б. Л.

ХРОНИКА

ВСЕСОЮЗНЫЙ ФОРУМ АРХЕОЛОГОВ

6—10 апреля в г. Суздаль состоялась всесоюзная конференция археологов, проводивших исследования на территории нашей страны и за рубежом. Она была посвящена задачам советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС.

Во вступительном докладе акад. Б. А. Рыбакова были отмечены успехи изучения древнейших этапов истории и определены очередные научные и методические

задачи археологов, направленные на перестройку и ускорение их работы, более качественное, быстрое и эффективное решение стоящих перед ними проблем. Основные направления достижения этой цели — действенная координация в разработке комплексных проблем, проработка археологического материала до уровня исторических обобщений, подъем теоретико-методологического уровня исследований, использование достижений естественных и точных наук, выработка унифицированного языка археологической науки с подготовкой терминологического словаря. Большое внимание должно быть уделено работам в зонах новостроек, активной охране и популяризации памятников древней культуры, подготовке краеведческого актива, воспитанию ценителей культурного наследия нашей Родины.

Пленарные доклады хронологически и территориально охватывали основные направления работ в нашей стране и зарубежные исследования советских археологов.

Формированию феодальных городов Руси (на примере Суздаля) был посвящен доклад М. В. Седовой (Москва), в котором на новых материалах раскрыты этапы развития города, его фортификации, экономики, социальной и этнической структуры Северо-Восточной Руси X—XII вв. Доклад акад. Б. А. Рыбакова (Москва) был построен на материалах изучения аристократического язычества древней Руси. Автор показал, как привилегированная часть жречества Руси на основе наблюдений за природой разрабатывала стандарты написанных законов обрядности. Раскрыт и интересный этап расхождения от христианства к языческим культам.

Дискуссионные вопросы неолита северной половины Европейской части СССР рассматривались Д. А. Крайновым (Москва), проследившим закономерности в смене культур этого региона вплоть до раннего неолита.

Богатые материалы скифских курганов Поднепровья — Бабьей могилы, Водяной могилы с захоронениями знати (мужчин и женщин), персонализированных погребений коней в бронзовых и железных уборах послужили темой сообщения Б. Н. Мозолева и С. В. Полина (Киев), проанализировавших обрядность, погребальный инвентарь скифской аристократии, связанный с культурным влиянием Малой Азии (через Ольвию). В дискуссии наряду с высокой оценкой полученных материалов прозвучало, однако, предостережение против использования техники при изучении погребальных обрядов и чрезмерной активности в сплошном изучении скифских курганов при еще недостаточно отработанной методике.

А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак, В. И. Распопова (Ленинград) охарактеризовали итоги археологических работ на городище Пенджикент — эталонном памятнике раннефеодального Согда. При исследовании общественных храмов там открыты крупномасштабные изображения богов и богинь с нимбами и языками пламени. Особо отмечена алебастровая статуя сидящей богини, которая по стилю и иконографии может быть отнесена к позднеантичному искусству. Продолжалось изучение фортификации VI—VII вв., базара (где обнаружены мастерские и лавки), жилой застройки центральной части шахристана.

Систематические исследования Ленинградской области позволили подготовить археологическую карту этого региона, что является реальной основой для принятия действенных мер по спасению и государственной охране памятников. Выявлены новые могильники, изучение которых позволило раскрыть материальную культуру прибалтийско-финской народности по крайней мере с XIII в. н. э. Эти материалы послужили темой интересного сообщения Е. А. Рябинина (Ленинград). Л. П. Хлобыстин (Ленинград) подвел итоги трехлетних работ на о. Вайгач и побережье Югорского полуострова, где получен комплекс материальной культуры морских зверобоев от поры позднего неолита до начала XX в., позволивший проследить эволюцию их культуры, этапы взаимосвязей с материком.

Доклад Х. А. Амирханова (Москва) был посвящен открытиям советско-йеменской экспедицией древнейших памятников Аравии. Археологами обнаружено 40 памятников каменного века с широким хронологическим ареалом. Среди них — древнейшая пещерная стоянка Аль-гуза, датированная с помощью комплексного анализа возрастом 730 тыс. лет, что представляет огромный интерес для выяснения времени расселения людей из первоначальной прародины и истории освоения Юго-Западной Азии.

Ведущие направления археологических исследований были раскрыты в работе 8 секций, где было представлено свыше 200 докладов, вызвавших острые дискуссии.

В работе секции археологии палеолита и мезолита (рук. доктор ист. наук В. П. Любни) приняли участие 29 специалистов. Заслушано 16 докладов по проблемам изучаемого периода и информативного содержания. Особо отмечены доклады Ю. А. Мочанова (Якутск) о происхождении человека и У. И. Исламова (Самарканд) — о раскопках пещеры Сельунгур.

Обширной была география докладов на секции энеолита и бронзы (рук. доктор ист. наук Н. Я. Мерперт). Там было сделано более 20 выступлений, посвященных земледельческому и скотоводческому культурам. Значительный интерес вызвали системные работы по костяковским поселениям и голоценовый анализ Алтайского региона.

23 доклада секции раннего железа (рук. доктор ист. наук В. В. Кропоткин) можно объединить в две группы: вопросы общей истории железного века Восточной Европы и скифо-сарматская тематика, включившая особенно острые проблемы хронологии и этноса скифо-сарматских объединений, датировки устоявшихся этапов культур, степени их обоснованности. К сожалению, секция работала неравномерно. Слабо представлены были такие важные регионы, как Зауралье, Сибирь, Дальний Восток.

Тематика докладов секции античной археологии (рук. доктор ист. наук А. А. Масленников) включала проблемы экономической истории и этноса, реконструкции античных комплексов и вопросы культа. Много было выступлений по частной, но интересной тематике — некрополи и поселения, представляющие почти все районы Северного Причерноморья. Однако не были освещены итоги исследования крупнейших античных центров — Ольвии, Пантикапея, Фанагорин, Гаргипии и др.

Наиболее обширной была тематика секции славяно-русской археологии (рук. доктор ист. наук М. В. Седова), включающая 42 доклада. Основные направления их — этногенез славян, древнерусский город (представленный по всем регионам), сельские поселения, погребальные памятники, торговые и этнокультурные связи славян, прикладные искусства.

На секции средневековой археологии (рук. доктор ист. наук Г. А. Федоров-Давыдов) рассматривались итоги исследований, проводимых в обширном ареале от Северного Кавказа до Дальнего Востока, а на севере — до Прибалтики. Столь же широк был круг обсуждаемых проблем материальной культуры тех средневековых государств, ядром которых явилась Волжская Булгария, представленная наибольшим объемом материалов. Активную дискуссию вызвали вопросы охраны памятников, разрушаемых в процессе освоения земель и реконструкции городов.

Большой интерес представила работа новой секции — теории и методики археологии (рук. доктор ист. наук В. И. Гуляев), где было представлено 16 докладов трех ведущих направлений: а) философско-методологический аспект (включая мировоззренческие и гносеологические проблемы археологического познания, основной вопрос философии в генетико-археологическом освещении и др.); б) методический аспект разработки археологических исследований, формализация материала, применение статистико-математических методов; в) историографические исследования.

Острая дискуссия, развернувшаяся по проблемам периодизации, интерпретации и типологии материалов, определения археологических культур, выявила разный уровень подготовки специалистов, отсутствие единого теоретического центра и унифицированной археологической терминологии, недостаточную разработку основных проблем — археологической интерпретации материала и проблемы социальных реконструкций и возможностей археологии.

Секция Средней Азии и Закавказья (рук. чл.-кор. АН ТуркмССР В. М. Массон) — одна из наиболее активных — заслушала 24 доклада специалистов из всех республик Средней Азии, Казахстана, Азербайджана, Армении и Грузии. Основная часть их посвящалась новейшим открытиям, начиная с памятников энеолита и бронзы до средневековой эпохи. Принципиально новым для изучения протогородской культуры Южной Туркмении стало открытие на поселении Илгынлыдепе (близ Меапа) культового комплекса, включающего каменные женские скульптуры двух типов — реалистические, объемные и стилизованные, плоскостные (Г. Ф. Коробкова). Анализ найденных рядом орудий труда показал, что они связаны с обработкой именно данных скульптур, формовавшихся путем пикетажной техники с доделкой абразивной шлифовкой. Технология изготовления сближает их со скульптурой первых цивилизаций Старого и Нового Света. Исследование столичного центра этого района Алтындепе позволило выделить малоизученный начальный этап периода ранней бронзы Южной Туркмении (Л. Б. Кирчо), металлические, каменные и керамические комплексы которого продолжают линию развития поры энеолита. Это дало возможность построить эволюционный ряд материальной культуры Алтындепе от энеолита до развитой бронзы.

Бактрийский вариант культуры Намазга VI завершающего этапа эпохи бронзы — Конгуртут в Южном Таджикистане (Н. М. Виноградова) представил большой интерес благодаря прослеженной по комплексу предметов и лимническому составу бронзовых изделий связи со «степными» культурами севера Средней Азии и Казахстана, под влиянием которых находилась и металлургия Конгуртута.

Специальному анализу декора керамики куроаракской культуры, трактуемого как сочетание знаков солнца и воды — символов земледельческой культуры, — посвятила свое выступление искусствовед Н. В. Урушадзе.

Промежуточный итог изучения урартских дворцовых комплексов VII—VI вв. до н. э. из Ошакана был подведен С. А. Есаяном. В крупных залах, сложенных из туфового камня, получен интересный набор керамики, каменных и металлических изделий, раскрывающих высокую материальную культуру Урарту. Дворцы охранялись Дзюракской циклопической крепостью, возведенной на скалистом холме.

Поселение колхидской культуры VIII—VII вв. до н. э. с богатым комплексом находок было раскрыто при охранных раскопках в Очамчирском районе Абхазской АССР. Еще более разнообразный материал от палеолита до эпохи раннего железа получен при подобных работах в Гудаутском районе. Этой теме было посвящено выступление Л. С. Бжания и А. И. Гобелия.

Материалы культуры скотоводческого населения левобережного Хорезма VII—VI вв. до н. э. — IV—V вв. н. э. были представлены Л. Т. Яблонским, проследившим по погребальным курганам изменение обрядов от трупосожжений раннесакского времени до труположений с инвентарем и захоронений в сосудах и оссуариях, среди которых выделены скульптурные — зооморфные и антропоморфные. По результатам раскопок собрана самая крупная в Средней Азии краииологическая серия, в которой прослежен неустойчивый на раннем этапе и стабилизирующийся с середины I тыс. до н. э. антропологический облик скотоводов Северной зоны с искусственной деформацией, характерной для хорезмийцев последующих эпох. В этом же районе исследовался интересный культовый памятник VII—V вв. до н. э. Калалыгир-2, о раскопках которого сообщила Б. И. Вайнберг. При вскрытии круглого в плане храма найдены древнехорезмийские надписи, рельефы на флягах с мифологическими сюжетами, культовая и парадная посуда.

Большой интерес вызвал доклад В. П. Мокрынина (Фрунзе), посвященный подводным исследованиям городища Сарыбулун в южной акватории Тупского залива Иссык-Куля, дающим основания для нового подхода к решению вопросов о хозяйственных связях древних скотоводов. Прииссыккулья, типе хозяйства и времени возникновения поселений земледельцев (VIII—VI вв. до н. э.). Итоги многолетних работ на античном укрепленном поселении Гырмертепе в Азербайджане были подведены Ф. Л. Османовым, раскрывшим связи этого региона с Парфией.

Серия докладов была посвящена изучению памятников городской культуры. В Закавказье они были представлены исследованиями археологов Азербайджана. В докладе Г. М. Ахмедова (Баку) «К стратиграфии городища Кабалы» был изложен опыт изучения крупного городского центра Закавказья. Исследования последних лет на территории его крепостного ядра позволили отнести начальный этап развития города к IV в. до н. э. — III в. н. э., а завершающий — к XVIII в. н. э.

Р. Дж. Ахмедов (Баку) посвятил свое выступление анализу результатов новейших исследований одного из крупнейших городов Закавказья — Гянджи. Установлено, что в пределах крепостных стен площадь городища равна 250 га, а с рабатами, предместьями она достигает 810 га. Получены новые данные по развитию ремесел, уточнена стратиграфия северо-западного района, где отмечены слои IX—XIII и XIV—XVII вв.

В докладе Р. Б. Геюшева (Баку) «Исследования городища Шабран в 1985—1986 гг.» подведены итоги изучения динамики развития города в IX—XVII вв. Расцвет гончарного, косторезного, стеклодельного и других ремесел, а также развитие торговли способствовали превращению его в экономический центр Северо-Восточного Азербайджана.

Материальная культура городов Южного и Западного Туркменистана, тесно связанных как с Закавказьем, так и с Ираном и районами Средней Азии, была раскрыта Е. А. Атагарыевым (Ашхабад), который подвел итоги многолетнего изучения этого культурного региона.

Ряд докладов был посвящен работам в Узбекистане, Киргизии и Казахстане. Г. В. Шишкина и А. И. Наймарк (Москва) сообщили о исследовании городища Дурмонтепа в Самаркандской области, позволившем выявить хронологические этапы сложения города, стоявшего на древнем пути из Самарканда в Бухару, и зафиксировать общность основных черт его развития с городами Согда.

Городской культуре контактной территории оазиса и степи был посвящен доклад Ю. Ф. Бурякова (Самарканд) по материалам бассейна Средней Сырдарьи, где проводится сравнительное изучение городов вдоль реки, в глубине оазиса и в горном скотоводческом районе (Бенакет, Хараджкет, городище Шахджувартепа), раскрывающее особенности экономики и материальной культуры в зоне контакта земледельцев и скотоводов, системы их экономических, культурных и этнических взаимовлияний. Прослежены линии связей горных районов с городами оазисов.

Города, выросшие непосредственно в степи Южного Казахстана и Киргизии, стали объектом изучения экспедиции К. А. Акишева и Л. Б. Ерзаковича (Алма-Ата), работавшей на базовом памятнике — Отраре, в Алтынтобе, Саурани, а также в Семиречье, где К. М. Байпаковым (Алма-Ата) по-новому рассмотрена топография городищ с жилыми стенами. В этих же районах продолжено систематическое изучение погребальных сооружений, раскрывающее эволюцию обрядов.

Некоторые выступления были посвящены специальным вопросам. Шестидесятилетний итог изучения буддийских памятников Средней Азии подвели Б. Я. Ставиский и В. В. Вертоградова (Москва). Многолетние исследования позволили выявить особенности буддизма в Бактрии, наметить различия судеб буддизма в разных историко-культурных областях Средней Азии и пути его распространения. Интересные

материалы дает дешифровка надписей. Выяснение ареала буддийских общин Средней Азии, плотности их распространения пока далеко от завершения, и информация по истории буддизма Средней Азии еще не исчерпана.

«Терракоты Чечактепе» стали предметом доклада Г. Я. Дресвянской (Ташкент). Анализ иконографии и всех атрибутов позволяет проводить сравнение со среднеазиатскими терракотами V—VIII вв.; по стратиграфическим данным они относятся ко второй половине VII в.

Огромный размах полевых исследований в стране со всей остротой поставил вопрос о действенном контроле за ними, повышении качества отчетов, унификации требований к полевой документации. Поэтому в рамках конференции проведено совещание отделов полевых исследований (ОПИ) в целях обмена опытом методики археологических работ, составления полевой документации, организации ее хранения. Методический доклад о работе Института археологии АН СССР сделал Ю. А. Краснов. Вопросы бережного отношения археологов к природе и сохранению памятников при ведении полевых работ для последующих исследований были подняты М. Ф. Косаревым (Москва). В выступлениях археологов была представлена также информация о работе ОПИ союзных республик. Совещание показало, что в практике работы ОПИ имеется немало недостатков и разнобоя в решении одних и тех же вопросов.

Совещание признало необходимым усилить ответственность археологов за правильность методики работы на памятниках для достижения стоящих перед ними задач, принятие действенных мер к охране изучаемых объектов и постановке их на государственный учет.

Для улучшения координации работ совещание решило практиковать поездки сотрудников ОПИ Института археологии АН СССР на места в целях анализа состояния полевой отчетности и выработки единых требований. Подчеркнута необходимость создания Всесоюзного совета по полевой методике и полевой отчетности и подготовке новой редакции инструкции о порядке выдачи открытых листов.

Во время работы конференции состоялось также совещание комиссии по подготовке Координационного Совета по археологии, наметившее программу работы на 1987 г.

Ю. Ф. Буряков, Ю. П. Манылов

ХАБИБ ТУРСУНОВИЧ ТУРСУНОВ (1913—1987)

12 мая 1987 г. скончался видный ученый, академик АН УзССР, член Ревизионной комиссии Компартии Узбекистана, директор Института истории партии при ЦК КПУз, доктор исторических наук, профессор Хабиб Турсунович Турсунов.

Х. Т. Турсунов родился 9 мая 1913 г. в Ташкенте в семье служащего, Трудовую деятельность начал в 1930 г. учителем общеобразовательной школы. В 1933 г. окончил Ташкентский вечерний педагогический институт. Затем работал учителем, инспектором райОНО, ответственным секретарем журнала «Совет педагогикаси», начальником учебно-методического отдела управления школ Наркомпроса УзССР. В 1942—1945 гг. находился на фронтах Великой Отечественной войны в качестве политработника.

В 1945—1948 гг. Х. Т. Турсунов работал заместителем министра просвещения УзССР, а с 1948 г. был аспирантом Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1951—1952 гг. он был секретарем ЦК Компартии Узбекистана, в 1952—1956 гг. — директором Института истории и археологии АН УзССР, с 1956 г. — заведующим кафедрой истории КПСС Ташкентского электротехнического института связи, с 1967 г. — заведующим кафедрой истории КПСС Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при ТашГУ им. В. И. Ленина, с 1969 г. — дирек-

тором этого Института, с 1975 г. — ректором ТашГПИ им. Низами, а с 1979 г. и до последних дней своей жизни — директором Института истории партии при ЦК КПУз.

В 1951 г. Х. Т. Турсунов защитил кандидатскую диссертацию «Образование Узбекской Советской Социалистической Республики», в 1963 г. — докторскую диссертацию «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане». В 1963 г. он был утвержден в звании профессора, в 1973 г. избран членом-корреспондентом, а в 1984 г. — академиком АН УзССР.

Х. Т. Турсунов внес значительный вклад в развитие исторической науки. Он — автор более 120 научных исследований по истории дореволюционного и Советского

Узбекистана, партийного и государственного строительства в республике. Его перу принадлежат такие труды, как «Образование Узбекской Советской Социалистической Республики» (1957), «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане» (1962), «Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане. 1917—1924 гг.» (1971), «Национально-освободительное движение в Узбекистане накануне Октября» (1976) и др.

Х. Т. Турсунов был членом редколлегии и ответственным редактором большого количества трудов по различным аспектам истории Узбекистана, бессменным (с 1964 г.) ответственным редактором ежегодного «Календаря знаменательных и памятных дат Узбекской ССР», членом ряда специализированных ученых Советов. В течение многих лет он был членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане».

Х. Т. Турсунов уделял большое внимание подготовке высококвалифицированных кадров историков. Им подготовлено более 30 докторов и кандидатов наук.

Х. Т. Турсунов был участником многих республиканских, региональных и все-союзных научных форумов, XIII Международного конгресса историков (Москва, 1970).

Член КПСС с 1940 г. Х. Т. Турсунов активно участвовал в партийной и государственной жизни республики. Он был членом ЦК КП Узбекистана, секретарем ЦК КПУз, членом Ревизионной комиссии Компартии Узбекистана и т. д.

Партия и правительство высоко оценили научную, педагогическую и общественную деятельность Х. Т. Турсунова. Он был награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Дружбы народов, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями. В 1973 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

Светлую память о Хабибе Турсуновиче Турсунове мы навсегда сохраним в наших сердцах.

П. К. Хабибуллаев, К. И. Лапкин, Т. Р. Рашидов, Э. Ю. Юсупов, Д. А. Мусаев, И. И. Искандеров, Г. А. Пугаченкова, К. Е. Житов, С. К. Камалов, Р. Х. Аминова, М. А. Ахунова, М. М. Хайруллаев, З. Х. Арифханова, Л. В. Гентшке, М. А. Заидов, Х. Э. Зияев, Ш. Э. Зиямов, А. Ю. Ибраимова, Б. В. Лукин, Р. Г. Мукминова, Р. А. Нуруллин, Ю. А. Пономарев, Р. Я. Раджапова, Г. Р. Рашидов, К. Ф. Фазылходжаев, В. Г. Чеботарева, К. А. Акилов, М. Ж. Жураев и др.

ХАМИД ШАРАПОВИЧ ИНОЯТОВ (1912—1987)

5 мая 1987 г. скончался доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Узбекской ССР Хамид Шаропович Инояттов.

Х. Ш. Инояттов родился 29 декабря 1912 г. в Бухаре в семье дехканина-бедняка. В 1927—1930 гг. учился в Бухарском мужском институте просвещения, затем работал учителем и директором начальной школы, а в 1936 г. окончил исторический факультет УзГУ (Самарканд).

По окончании университета Х. Ш. Инояттов работал преподавателем в ряде вузов Узбекистана, был доцентом, заведующим кафедрой ТашГПИ им. Низами. В годы Великой Отечественной войны он был лектором, а с 1943 г. — заведующим отделом пропаганды и агитации Ташкентского горкома партии. В 1946 г. работал также начальником группы науки и вузов Совета Министров УзССР. С 1959 г. до конца своей жизни Х. Ш. Инояттов был заведующим отделом истории Октябрьской и гражданской войны Института истории АН УзССР.

В 1942 г. Х. Ш. Инояттов защитил кандидатскую диссертацию «Восстание Пулатхана в Кокандском ханстве в 1873—1876 гг.», в 1958 г. — докторскую диссертацию «Победа Октябрьской революции в Узбекистане». В 1965 г. утвержден в звании профессора.

В центре научных интересов Х. Ш. Инояттова были прежде всего вопросы истории победы Великого Октября, гражданской войны и иностранной интервенции в Узбекистане. Его перу принадлежит более 300 научных работ, в том числе такие книги, как «Октябрьская революция в Узбекистане», «По-

беда Советской власти в Узбекистане», «Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана» и др. Он один из авторов коллективных монографий «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», «История Узбекской ССР», «История гражданской войны в Узбекистане», «История Самарканда» и т. д.

Х. Ш. Иноятов был членом ряда научных Советов, председателем Среднеазиатской секции научного Совета АН СССР «История Великой Октябрьской социалистической революции». Он активно участвовал в подготовке кадров ученых-историков.

Х. Ш. Иноятов был участником многих республиканских, региональных, все-союзных и международных научных конференций, сессий, симпозиумов, в том числе XIII Международного конгресса историков (Москва, 1970).

Член КПСС с 1942 г. Х. Ш. Иноятов активно участвовал в общественной жизни.

За заслуги в научной и педагогической деятельности Х. Ш. Иноятов был награжден медалями и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УзССР. В 1973 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

Память о Хамиде Шараповиче Иноятове навсегда сохранится в сердцах его соратников и учеников.

Группа товарищей

МУНДАРИЖА

«Хужум»нинг 60-йиллигига

Р. Х. Аминова. Ўзбекистонда хотин-қизлар масаласини ҳал қилишда тарихий-босқич	3
В. Г. Чеботарева. Ҳозирги замон шароитида хотин-қизлар социал активлигини оширишнинг актуал масалалари	9
Р. А. Убайдуллаева. Хотин-қизларнинг турмуш ва меҳнат шароитини яхшилаш ва қайта қуриш масалалари	18
О. П. Умурзоқова. «Хужум» ва янги оила-турмуш анъаналарининг шаклланиши	24
А. П. Қаюмов. Қелажак номи билан (Очиқ фирқрлаш)	30

Ривожланаётган социализм ишлаб чиқариш кучлари ва ишлаб чиқариш муносабатларини ривожлантириш диалектикаси

Н. Р. Ҳамроев. Мавжуд сув ресурслари базасида Ўзбекистон сув хўжалиги комплексининг ривожланиши ҳақида	34
--	----

Илмий ахборот

А. Г. Қаҳрамонов. Меҳнатсиз даромадлар билан курашиш қонунини кучайтиришда қўшимча жазонинг фойдалиги	42
К. Қ. Шоднев. Буржуа «советшунос»-исломшунослар концепциясини танқидига доир	47
А. Аюпов. Афғонистон Демократик Республикаси Фанлар Академиясининг ташкил топиши	52

Танқид ва тақриз

Э. Хуршут. Редакцияга хат	53
-------------------------------------	----

Янги китоблар

Б. Л. Н. Е. Бекмаханова. Қозоғистон ва Қирғизистоннинг капитализм шароитидаги кўп миллатли аҳолиси (XIX асрнинг 60 йиллари — 1917 й.)	60
---	----

Хроника

Ю. Ф. Буряков, Ю. П. Манилов. Бутуниттифоқ археологларнинг форуми.	60
<u>Ҳабиб Турсунович Турсунов (1913—1987)</u>	64
<u>Ҳамид Шаропович Иноятов (1912—1987)</u>	65

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию «Худжума»

Р. Х. Аминова. Историческая веха в решении женского вопроса в Узбекистане	3
В. Г. Чеботарева. Актуальные проблемы повышения социальной активности женщины в современных условиях	9
Р. А. Убайдуллаева. Перестройка и вопросы улучшения условий труда и быта женщин	18
О. П. Умурзакова. «Худжум» и становление новых семейно-бытовых традиций	24
А. П. Каюмов. Во имя грядущего (Мысли вслух)	30

Диалектика развития производительных сил и производственных отношений развивающегося социализма

Н. Р. Хамраев. О развитии водохозяйственного комплекса Узбекистана на базе имеющихся водных ресурсов	34
--	----

Научные сообщения

А. Г. Каграманов. Эффективность дополнительных наказаний при применении законов об усилении борьбы с нетрудовыми доходами	42
К. К. Шадиев. К критике концепций буржуазных «советологов»-исламоведов	47
А. Аюпов. Создание Академии наук Демократической Республики Афганистан	52

Критика и библиография

Э. Хуршут. Письмо в редакцию	53
------------------------------	----

Новые книги

Б. Л. Н. Е. Бекмаханова. Многонациональное наследие Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.— 1917 г.)	60
---	----

Хроника

Ю. Ф. Буряков, Ю. П. Манылов. Всесоюзный форум археологов	60
<u>Хабиб Турсунович Турсунов (1913—1987)</u>	64
<u>Хамид Шарапович Иноятов (1912—1987)</u>	65

НАШИ АВТОРЫ

- Аминова Р. Х.** — член-корреспондент АН УзССР, зав. отделом истории Узбекистана периода совершенствования социализма Института истории АН УзССР.
- Хамраев Н. Р.** — член-корреспондент ВАСХНИЛ, зав. отделом прогнозирования развития водохозяйственного комплекса и мелиорации СОПС АН УзССР.
- Каюмов А. П.** — доктор филологических наук, директор Института рукописей им. Х. С. Сулейманова АН УзССР.
- Убайдуллаева Р. А.** — доктор экономических наук, зам. директора Института экономики АН УзССР.
- Умурзакова О. П.** — доктор философских наук, зам. директора Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Чеботарева В. Г.** — доктор исторических наук, зам. директора Института истории партии при ЦК КПУз,
- Каграманов А. Г.** — кандидат юридических наук, ст. следователь прокуратуры г. Ташкента.
- Хуршут Э.** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Люпов А.** — ст. преподаватель Сырдарьинского ГПИ им. Г. Гуляма.
- Шадиев К. К.** — мл. научный сотрудник ЦНИОН АН УзССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349